

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ МОЖНО УБИТЬ ДВОИХ

Анна Витальевна Малышева

Город без полиции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=315062

Город без полиции : роман / Анна Малышева: Астрель, АСТ,

Хранитель, Харвест; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-044009-2, 978-5-271-17056-0, 978-5-9762-4232-6,

978-985-16-3780-1

Аннотация

Долгое время Таня старалась забыть о своей утрате – без вести пропал любимый человек, уехавший в Грецию на заработки. И вот спустя четыре года Тане, уже успевшей выйти замуж и смилившейся с потерей первой любви, звонят из Греции и просят помочь в опознании тела.

Приехав на остров Эвию, где произошла трагедия, девушка опознает вещи Паши, узнает, что он погиб от двух выстрелов – в грудь и голову, и на этом ее миссия могла бы считаться выполненной, но... Таню тревожит череда странных происшествий, которые нельзя считать случайными...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	65
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Анна Малышева

Город без полиции

Глава 1

Моторы, спрятанные в стальном брюхе парома, сотрясали многотонное судно мелкой навязчивой дрожью, и, ступив на нижнюю палубу, девушка почувствовала легкое головокружение. Предъявляя билет улыбочивому стюарду и взбираясь по узкой лесенке в салон, она уговаривала себя, что это ощущение надуманное – просто ей страшно плыть, она боится воды. «Но это же паром, а не океанский лайнер, не маленькая яхта в бурном море, не лодочка! Это все равно, что морской трамвай! С трамваями никогда ничего не случается...» Однако предательская память услужливо подсказывала названия паромов, с которыми очень даже что-то случалось, и от этого Таня чувствовала себя пойманной в коварную ловушку. Целый час в пути! Целый час ей придется щелкать зубами и уговаривать себя не бояться, и к концу этого путешествия у нее будет совершенно дурная голова, и это сейчас-то, когда ей так нужно ясное сознание! Но другого пути, кроме как морем, с материка на остров не было...

А между тем в постепенно наполнявшемся салоне было очень уютно. Длинные полукруглые диванчики, рассчитан-

ные на большие компании, столики перед ними, большой плазменный телевизор, по которому шел какой-то комедийный сериал, стойка бара в глубине, откуда уже отчетливо пахло кофе, – все это напоминало холл гостиницы среднего класса, а никак не общественный транспорт, каковым и являлся для местных жителей паром «Звезда Эвии». Таня устроилась на диване подальше от окон, в центре салона, с минуту пыталась сосредоточиться на экране телевизора, но так как сериал, естественно, шел по-гречески, отвлечь он ее не смог. В салоне уже было шумно – греки громко разговаривали, смеялись, узнавая знакомых, приветствовали друг друга, рассаживались стайками, готовясь к привычному путешествию. Между столиками уже поплыл табачный дым, бармен ставил на стойку новые и новые чашки кофе, по проходам с визгом бегали дети, у кого-то на руках поскуливала мохнатая карманная собачка. Рядом с Таней уселись молодые греки, оживленно заговорили, не обращая на нее внимания. Внезапно ей показалось, что шум моторов как-то изменился – сделался мощнее и глубже. Вслед за этим она ощутила ровное покачивание, от которого ее сердце плавно опустилось в желудок и потом снова подскочило, подступив к самому горлу. Паром тронулся с места минута в минуту, попытка началась.

«Я не боюсь, бояться глупо. Я взрослая, самостоятельная, мне двадцать пять лет, я не боялась ничего, когда летела рейсом „Москва – Афины“ и под моими ногами были тысячи

метров высоты, хотя для того, чтобы разбиться насмерть, достаточно и десяти. Я не побоялась ехать сюда одна, я просто отпихнула всякую помощь, когда родственники и друзья предлагали составить мне компанию, расписывали, с какими трудностями я столкнусь... Они говорили, что если все это правда, то я не выдержу, от этого можно сойти с ума, но я настояла на своем. Поехала одна, потому что знаю – если это правда, ей все равно нужно взглянуть в глаза. И сделать это должна я одна. Уже через несколько часов, возможно, я увижу то, что они хотят мне предъявить... Вот что должно меня пугать, вот почему Наташка провожала меня с таким видом, будто я ложилась на опасную операцию! А я боюсь какого-то парома!»

Она заставила себя подняться, нетвердой рукой повесила на плечо ремень дорожной сумки. Другого багажа Таня не взяла – по ее расчетам, в Греции она должна была пробыть не больше двух дней. «Да я и не могу дольше, эта поездка вообще не планировалась, это похоже на какой-то бред! Наташка, глупая, на прощанье сказала такое, отчего я чуть в обморок не упала. „Ну, мол, если там все и неправда, то хотя бы в Эгейском море искупаешься!“ Как будто после такого приключения у меня может появиться настроение купаться!»

Ее передернуло, и на этот раз уже не от страха перед плаванием – она отчетливо представила, что ей предстоит увидеть спустя очень короткое время. Как ЭТО будет выглядеть? Выдержит ли она такое испытание? Как она вообще

решилась ехать одна, положившись на свои, прямо скажем, не слишком закаленные нервы? Думая об этом, она сама не заметила, как купила в баре банку газировки и машинально покинула прокуренный салон, отворив дверь в его конце. Очнулась Таня, только оказавшись на верхней палубе, куда ни за что не решилась бы выйти сознательно. Здесь было солнечно, очень ветрено, паром весело и уверенно пересекал пролив, отделявший остров Эвия от материка, очертания которого постепенно удалялись за кормой. Широкий пенный след тянулся за паромом, указывая пункт его отбытия – порт Рафину, белый маленький город на прибрежных холмах. Внезапно Таня осознала невероятное – она не боялась. Эта чистая палуба, залитая послеполуденным солнцем, старый грек, дремлющий на одной из скамеек, расставленных под тентом, дряхлая рыжая собака у его ног, поднявшая голову и уставившаяся на девушку с приветливой надеждой во взгляде, сине-белый флаг, плещущийся на ветру, – все это было таким мирным и спокойным, что исключало даже мысли о страхе. Она поставила сумку на скамью, открыла банку, сделала глоток, щурясь, оглядела сверкающий, серо-зеленый морской простор. Острова, всюду острова – слева, справа, впереди по ходу, за кормой – это море было невероятно населено.

«Совсем не страшно!» Она сделала несколько шагов и остановилась у поручней. Заставила себя взглянуть за борт и сделала глубокий вдох. Легкие наполнил морской ветер.

Она поежилась – здесь было прохладно, октябрьское солнце больше светило, чем грело. Взглянула на часы – паром был в пути всего пятнадцать минут. Удивительно, но сейчас ей хотелось, чтобы это путешествие продолжалось как можно дольше. Она впервые начала осознавать, что ее ждет в пункте назначения, к которому «Звезда Эвии» должна была прийти через очень короткое время. Где-то в недрах этого солнечного осеннего дня притаился ночной кошмар, и кошмар этот предназначался для нее. Ей вспомнилась фраза матери – она прозвучала вчера, когда Таня по телефону пыталась объяснить, отчего не вправе проигнорировать этот безумный звонок из Греции, почему должна обязательно поехать, довериться совершенно незнакомым людям, бросить на произвол судьбы спешную работу, простуженного мужа, пустить по ветру взятые на себя обязательства, и главное – отменить намеченный на завтра праздник, свой двадцать пятый день рождения. Вот это было очень трудно объяснить, потому что мама, в отличие от разочарованных друзей, которые уже знали, что праздника не будет, не удовлетворилась простыми извинениями.

– Отлично! – с горькой иронией заметила она, выслушав сбивчивые восклицания дочери. Таня так волновалась, что сама понимала – из ее объяснений получилась какая-то невразумительная труха. – Ресторан уже заказан и оплачен, все купили тебе подарки, я уверена, что многие даже и букеты приготовили, а ты мило делаешь всем ручкой и улетаешь

в Грецию. И если бы еще отдыхать! И где же ты встретишь день рождения? На кладбище или в морге – куда там тебя пригласили?

– Мама, я не могла просто послать их к черту и сказать, что меня все это давно не касается, – не слишком уверенно отвечала Таня, вполне понимая справедливость упреков. – Конечно, у меня теперь другая жизнь, и я даже стала забывать Пашу... Но ты понимаешь, что-то все равно остается... Я должна ехать.

Тогда мать и сказала то, что звучало в ушах у Тани еще долго – всю последовавшую за безумным днем ночь, все утро, пока она ехала в аэропорт, проходила регистрацию, таможенный контроль, все время в полете, пока она пыталась посмотреть по телевизору в салоне фильм о жизни медведей гризли и читать купленный впопыхах журнал, который целиком оказался посвящен санному спорту... Мать сказала:

– Живым нужно жить, а тебя тянет заглянуть в могилу. Даже если там Паша, ничего это не изменит. Пусть этим занимается полиция, ты-то здесь при чем?

«Живым нужно жить, – она заворуженно смотрела на пенный шлейф, тянувшийся за паромом. – Прошло четыре года, и я давно перестала вспоминать о нем каждый день, как в первое время... Тогда все вздрагивала, ждала звонка по телефону, в дверь, ночью могла спуститься на первый этаж и заглянуть в почтовый ящик – нет ли письма? Потом смирилась, каждый день мне становилось легче, каждый день как

будто что-то отрывал от прошлого и уносил прочь. Я снова увидела мир вокруг, почувствовала вкус к жизни, захотела смеяться, развлекаться, встречаться с людьми. Мне был всего двадцать один год, а это, как выяснилось, лучшее лекарство от ипохондрии. И жизнь продолжалась, и я почти забыла... Живым нужно жить, я и жила, а если вспоминала о том, что случилось, то уже без боли. Да ведь я и не знала, что с ним случилось, куда он пропал!»

Очертания материка за кормой становились плоскими, все более похожими на задник декорации, маленькие городки на побережье казались россыпью белого риса, небрежно брошенного чьей-то гигантской рукой. Таня обернулась к носу парома и постаралась разглядеть остров, куда они держали путь. Вон она, Эвия, – синеватая гряда холмов, пока еще задернутая легкой дымкой, словно серым блестящим тюлем. Terra incognita, неведомая земля, о существовании которой она недавно еще не подозревала.

Таня узнала о том, что на свете есть такой остров, пять дней назад, рано утром в понедельник. Собираясь на работу, она пыталась одновременно высушить феном волосы, поймать прогноз погоды по телевизору и накормить упорно трущегося о ее голые ноги кота. Иван уже уехал, на прощанье выругав ее за то, что заставила себя дожидаться и все равно не собралась вовремя – теперь из-за нее он, как пить дать, застрянет в пробках и попадет в свой офис часам к одиннадцати.

– Чтобы я еще тебе поверил! Минуточку, секундочку, уже готова... – передразнил он жену. – Вставай уж тогда в пять утра, чтобы действительно успеть выйти в восемь!

Таня не возражала, сознавая, что сама кругом виновата. Закрыв за ним дверь, она снова включила фен, вытряхнула коту в миску полбанки консервов, косясь в телевизор и боясь пропустить завершение программы новостей. Юрий Долго-рукий – так они прозвали кота за склонность к воровству – с жутким утробным урчанием набросился на еду, сотрясаясь всем своим ожиревшим, совершенно круглым телом. Таня взяла пульт, чтобы переключить канал (по этому новости каким-то мистическим образом уже закончились, хотя она глаз с экрана не сводила), одновременно выключила фен и тут в кратковременно наступившей тишине различила негромкий звук, от которого ее передернуло. Где-то в квартире глухо, словно пробиваясь сквозь плотную упаковку, звонил телефон.

«Пашин» телефон. Давно уже немодный аппарат, купленный пять лет назад (тогда-то это был писк моды), запертый в ящике комода, среди древних счетов за квартиру и электричество, которые Таня отчего-то не могла собраться выбросить, вороха таких же допотопных поздравительных открыток (там были даже раритеты ее школьных лет) и клубки смятых фотопленок, с которых явно было невозможно напечатать ни одного приличного кадра. Все в этом ящике отжило свой век, все годилось только на выброс, и Таня открывала

его только раз в неделю, по установившейся привычке, затем чтобы извлечь и подзарядить телефон, отключить который навсегда у нее не поднималась рука. Этот номер знали только те люди, которые общались с Таней четыре года назад, да и то (она была уверена) многие его давно забыли. Она поменяла номер вскоре после того, как Паша исчез из ее жизни, сменила и аппарат. Старый хотела было подарить кому-нибудь, но потом передумала и оставила – на всякий случай. На его счету было около пяти долларов. Зарядки один раз в неделю не хватало, телефон отключался, но чаще возиться с ним Таня не видела смысла. Если первое время после исчезновения Паши телефон просто раскалялся от звонков, то теперь у всех старых абонентов был ее новый номер. Остался только один человек, который его не знал и мог позвонить по прежнему... Сам Паша. Собственно говоря, девушка потому и возилась с бесполезным аппаратом, что надеялась – настанет день, и у нее будет возможность все высказать своему прежнему возлюбленному. У нее и речь была заготовлена, правда, за годы она подверглась основательной редактуре. Сперва она была гневной и истеричной, потом превратилась в поток слезливых упреков, затем в ней появились нотки злорадства: «Как видишь, я не пропала без тебя!» Если бы Паша позвонил сейчас, Таня говорила бы с ним, скорее всего, как с духом, явившимся на спиритическом сеансе. Интересно, конечно, что с ним стало, но к ее нынешней жизни это никакого отношения не имеет... Она бы только упрекнула

его за то, что он устроил своей матери и сестре – Наташке до сих пор выглядела какой-то пришибленной и ждала чудесного возвращения брата. А тот (Таня уже была в этом уверена) отлично устроился где-то за границей, а домой не звонил потому, что с каждым днем это становилось для него все более трудным. А оставшиеся там люди – все более далекими. Тысячи молодых мужчин, уехавших из дома на временные заработки, поступают так же, а потом только пожимают плечами, узнавая, что о них плакали, их искали.

И вот сейчас, после четырехлетнего перерыва, телефон настойчиво звонил. Таня выключила телевизор, отпихнула босой ногой кота, требовавшего добавки, и крадучись, словно телефон мог услышать ее шаги и удрать из ящика, приблизилась к комоду, стоявшему в глубине длинного коридора. Телефон звонил – упорно и требовательно, Таня слышала давно забытый сигнал – примитивную трель канарейки (тогда в моде были такие, сложная полифония появилась куда позже).

Девушка рывком открыла ящик, схватила вибрировавшую трубку и, нажав на кнопку ответа, ответила резким, возбужденным «алло!». После секундной паузы ей отозвалась женщина. Ее голос был Тане незнаком, да та и сама тут же заявила, что звонит по чужому поручению. Она переводчица, звонит из Греции. С острова Эвия. Таня прикрыла глаза, словно от резкого яркого света. Странно – та женщина не успела еще сказать ничего тревожного, а она уже поняла,

что с Пашей что-то случилось. Нечто куда более худшее, чем провал в памяти.

– Этот телефон, – чуть запинаясь, не слишком уверенно говорила женщина, – каким-то чудом нашли в частной гостинице, где он остановился, когда сюда приехал. Он ведь вам звонил?

– Четыре года назад, – согласилась Таня. – Звонил, когда прилетел в Афины, верно, и потом еще один раз.

– Вы знаете, о ком я говорю?

– Ну разумеется. – Таня подобралась – голос женщины зазвучал как-то странно, словно та вдруг перестала ей доверять. – Я знаю. А где он? Что с ним?

Помявшись, женщина сообщила, что с уверенностью пока ничего сказать не может – полиция тоже ни в чем не уверена. Но, похоже (теперь она говорила заговорщицким тоном), что этого человека уже нет в живых. Весь дальнейший разговор проходил как-то странно, будто урывками, – обе собеседницы явно рассчитывали, что каждая из них знает больше, чем говорит. В конце концов, Таня поняла – звонившая не имеет понятия даже о том, как зовут Пашу. Она знала лишь то, что он русский, приехал вроде бы из Москвы, и было это...

– Четыре года назад, – взволнованно говорила женщина, назвавшаяся Ольгой. – Я сама приехала в Грецию пять лет назад, из Питера, и знаете, тут мне не с кем было говорить по-русски... Вы меня хорошо понимаете? Вы понимаете, что его нужно опознать?

– То есть приехать, – кивнула Таня. Она давно уже перешла с телефоном в спальню и теперь сидела на краю разобранной супружеской постели, бессознательно поглаживая босой ногой примчавшегося с кухни кота. Чувствовала она себя как-то непонятно – будто под легким кайфом или после двух-трех бокалов шампанского. Мысли слегка путались, голова была будто не своя. Никакого горя или страха она не ощущала. – Хорошо. Я передам его родственникам. Оставьте свои координаты.

– А... Вы кто ему? – осторожно поинтересовалась Ольга.

– Бывшая подруга, – с удивительной легкостью ответила Таня и сама поразилась тому, как мало значили для нее теперь эти слова. – Кстати, что значит опознать? Что с ним конкретно случилось?

И тогда собеседница сообщила ей новость, от которой у нее даже крохотные волоски на руках мгновенно встали дыбом.

– Его, то есть не его, а кого-то, нашли в чужой могиле, – заявила Ольга. – Ее только на днях вскрыли, а похороны были четыре года назад. Там оказалось два покойника, понимаете? Один, кажется, ваш, во всяком случае, похоже на то. Никто из местных не пропадал, а вот четыре года назад к нам в Мармари действительно приезжал какой-то русский мужчина и потом вдруг исчез. Его вещи до сих пор хранились в той гостинице, только документов там нет. Думали, он просто куда-то уехал, а сумку бросил.

Таня ответила молчанием, и Ольга несколько раз прокричала в трубку «алло!». Потом послышались короткие резкие помехи, и телефон в руках у девушки внезапно умер. Она попыталась перезвонить и тут же поняла, что заграничный входящий звонок просто-напросто съел небольшую сумму на счету. Но это было и к лучшему – у нее появилось время, чтобы собраться с мыслями. Она переписала в записную книжку номер Ольги и решила перезвонить ей вечером, когда примет какое-то решение. А решать было что, и даже очень.

Они с Пашей не были супругами в строгом, официальном смысле этого слова, хотя оба считали, что все у них очень всерьез. Идти в загс и оформлять свои отношения никто из них не собирался, а Таня даже суеверно боялась этой казенно-пафосной церемонии. Так сложилось, что все ее подружки, которые побывали в загсе и сыграли пышные свадьбы, с треском развелись через год-другой, а вот те, которые просто жили со своими парнями, ведя общее хозяйство и не думая о штампе в паспорте, благополучно сохраняли отношения. Танины родители тоже ее не торопили со свадьбой, молчаливо разрешая «ребенку» поиграть во взрослую жизнь. Ей было всего двадцать лет, когда она познакомилась с Пашей, ему – двадцать три. Сейчас, оглядываясь на себя прежнюю, она сама видела, как наивно и упрощенно смотрела на мир, сколько не понимала и не принимала во внимание, скольких неприятностей избежала только в силу слепого везения, ко-

торое иногда хранит детей...

«И дураков! – мысленно заключила она, подводя итоги своего давнего романа. – Ведь я тогда не поехала с ним в Грецию по чистой случайности, даже не потому, что меня отговаривала мама, а из-за паспорта – в нашем ОВИРе был страшный сезонный аншлаг, а на взятку денег не было, вот я и осталась с носом! Паша так расстроился, даже надулся на меня, будто я это подстроила... Глупо. Простились тоже как-то нелепо, по телефону, я опоздала в аэропорт, автобус сломался, мы стояли на шоссе, я звонила Пашке на мобильный, а тот в это время уже проходил паспортный контроль, и ему было не до нежностей... А потом и вовсе не отвечал, хотя я посчитала, что он гулял по „зеленой“ зоне еще часа полтора, пока я, как идиотка, маялась в общем зале и пыталась его разглядеть... Вечером позвонил из Афин, сказал, что долетел, а на другой день был последний звонок, тоже какой-то нелепый... Он так орал и нервничал, будто это я звонила ему и попала некстати, я попросила его успокоиться и продолжать в другом тоне, он обозвал меня истеричкой и велел что-то передать сестре... Не помню что, какую-то чепуху. Сам он почему-то не мог дозвониться до Наташки, и выглядело все так, будто я ему нужна только в качестве посредника. Самое смешное, что в тот день я звонила в ОВИР и там каким-то чудом взяли трубку и сообщили, что мой паспорт готов, только что сделали, могу забрать его прямо сейчас. Я сказала это Паше, он буркнул „поздравляю“, но речи о том,

чтобы я прилетела в Грецию, догнала его, не было... да я уже и не хотела туда ехать. В самом деле, дикая затея – какой-то его приятель там устроился, зовет к себе подзаработать, мне тоже найдется занятие, шикарный климат, приличные деньги, вернемся загорелые, красивые, купим машину... Мама встала стеной – не пушу, тебя продадут в бордель, папа имел разговор с Пашкой и, по-моему, даже пригрозил, чтобы он не сбивал меня с пути истинного... А я сама не знала, хочу ехать или нет. Мне было как-то не по себе, не тянуло туда и все. Может, ангел-хранитель что-то нашептывал? Во всяком случае, я из-за своего паспорта не очень расстроилась, Пашке не завидовала и вообще ничего этого всерьез не приняла. Это потом, когда он пропал, до меня дошло, чем могла для меня закончиться эта поездка... Наверное, я сразу повзрослела на несколько лет – все заметили, что я стала другой. Мама боялась, что я впала в депрессию, все время пыталась мне внушить, что с Пашей ничего не случилось, что он жив-здоров, это просто его юношеское легкомыслие, и тут же осекалась – ведь тогда получалось, что он меня бросил, как старую тряпку. Но никакой депрессии у меня не было. Я просто вдруг начала думать о людях, которые меня окружали, присматриваться к ним и впервые поняла, что каждый человек загадочен и непредсказуем. Даже Пашка. Даже Наташа, а уж существа проще и понятней трудно сыскать! И... Я сама, конечно».

За ее спиной отрывисто, возбужденно гавкнула собака.

Таня встрепенулась, словно разбуженная, и с трудом оторвалась от созерцания островков, плывущих далеко за бортом в солнечной дымке. Обернувшись, она увидела, что старый грек отвязывает своего пса от ножки скамьи, и одновременно услышала, что гул мощных моторов у нее под ногами стал каким-то хриплым и напряженным, словно паром собирался откашляться. «Прибыли? Уже?» – Она взглянула на часы. Путешествие, которое так ее пугало, заканчивалось, до конечного пункта – рыбацкого городка Мармари – оставались считанные минуты. Таня перебежала на нос парома и остановилась, жадно оглядывая панораму берега, открывшуюся перед ней прямо по ходу парома. Весь городок можно было охватить одним взглядом – двух-трехэтажные дома тесно выстроились на берегу плечом к плечу, словно готовились станцевать сиртаки. Перед ними, уже у самой воды, тянулся ряд уличных кафе и лодочных причалов. Выше, на склонах холмов, виднелся десяток-другой домов покрупнее, более затейливой архитектуры, похожих на небольшие отели. Гряде холмов венчал ряд ветряных мельниц, которые, как уже успела заметить Таня по дороге из афинского аэропорта в Рафину, служили в Греции необходимой деталью пейзажа. А выше было только небо – синее, глубокое, какое-то искрящееся, совершенно незнакомое и непохожее ни на одно из тех небес, которые до сих пор доводилось видеть девушке. Она вдыхала легкий, тоже как будто искрившийся воздух, разглядывала маленькую, плавно приближавшуюся

пристань, пытаюсь угадать, какая из видневшихся на ней фигурок встречает ее, и вдруг поймала себя на мысли, что снова умудрилась забыть о цели своей поездки. «Наверное, греческий воздух действует на меня отупляюще, надо встряхнуться!» Она заглянула в сумку, проверила наличие кошелька, бумажника с документами, поворошила вещи. Собралась она на рассвете, в спешке, ничего не зная о погоде, которая ее ожидала, – прогноз погоды, как всегда, ускользнул от ее внимания. Здесь в конце октября ее встречало солнце и воздух, прогретый до двадцати градусов, зеленые деревья и лазурное море, при взгляде на которое у любого москвича явилось бы страстное желание искупаться... Только не у нее. Таня не купалась с тех пор, как едва не утонула в реке неподалеку от дачи, где они с Пашей проводили каникулы. Вид воды с тех пор вселял в нее какой-то тяжелый, давящий ужас, справиться с которым ей так и не удалось.

Приблизившись к пристани вплотную, паром угрожающе зарокотал и остановился. К нему приблизился молодой парень в небрежно наброшенной форменной куртке, поймал брошенный с борта конец, продел петлю в полосатый столбик на пристани – несложная швартовка была окончена. Откинулись стальные сходни, и по ним из чрева парома поползли машины и мотоциклы. Пожилой грек с собакой спустился на нижнюю палубу, Таня последовала за ним, разглядывая его загорелую морщинистую шею и слегка робея перед этим маленьким светлым городком, выглядевшим так мирно

и безмятежно, словно в нем отродясь ничего не происходило. И все же, именно здесь...

Ее встречали – она сразу увидела у выхода миловидную блондинку лет тридцати, в джинсах и красном бумажном свитере, державшую в руке плакат с одним столько словом «Татьяна». Таня подошла к ней и поздоровалась. Та кивнула и неуверенно улыбнулась, словно сомневаясь, ли улыбка в такой щекотливой ситуации:

– Самолет опоздал? Я встречаю уже второй паром сегодня.

– Нет, это я задержалась, – призналась Таня, чуть смутившись. – Попросила таксиста провезти меня через центр Афин, хотела посмотреть на Акрополь. Позвонить вам не могла – мой телефон тут не работает. Не знаю даже, как связаться с домом. Мои ждут звонка.

– Надо будет купить вам местную карту. – Ольга взглянула на ее скромный багаж. – Сумка не тяжелая? До отеля минут пятнадцать пешком, но я могу туда позвонить, и нас подвезут...

Таня заверила, что это лишнее. Ей хотелось рассмотреть поближе этот город, который нравился ей все больше и больше. Он был такой маленький, как будто нарисованный на фоне холмов старательным ребенком, такой чистенький, такой уютный и на удивление домашний. Вот толстая гречанка в ситцевом халате вышла из крохотного магазинчика, пересекла улицу, взяла из холодильника, стоявшего на обочи-

не, бутылку воды и что-то гортанно крикнула парню, скучающему за прилавком прибрежного открытого кафе. Тот лениво ответил, провожая взглядом проходивших мимо Таню и Ольгу. Гречанка, исчезая в дверях магазинчика, обернулась и тоже взглянула в их сторону, в основном на Таню. Та не сдержала улыбки:

– Похоже, я привлекаю внимание? Почему?

– Да ведь это деревня, – добродушно пояснила ее спутница. – Здесь каждое незнакомое лицо на виду, тем более сезон уже закончился, туристов нет. Остались только свои, местные.

– И сколько их тут, своих? – любопытствовала девушка.

– Три тысячи.

– Три?! – Таня даже приостановилась. – Не может быть! Это же всего семь-восемь девятиэтажных домов, а тут целый город!

– Так то в Москве, – засмеялась Ольга. – А здесь у каждого свой дом, многоэтажных нет. Сколько домов – столько семей. У каждого машина, у каждого – лодка. Выше, – она указала на холмы, – отели, сейчас они пустые. Отдыхающие приезжают в основном из Афин, но бывают и немцы, и итальянцы. Русские туристы этого места не знают.

– Получается, все-таки знают, – сразу помрачнела Таня, и Ольга дипломатично замолчала. Некоторое время они шли молча, и Таня все больше начинала чувствовать тяжесть повисшей на плече сумки.

Прибрежные кафе тянулись сплошной чередой и были похожи друг на друга как две капли воды – десяток пустых столиков, лодки у причала, холодильник с напитками на обочине проезжей части, барная стойка с кофеваркой или киоск с мороженым. Посетителей не было нигде, владельцы тоже куда-то скрылись, бросив свои заведения на произвол судьбы. Прохожих на единственной улице не было, синие и зеленые ставни на фоне белых стен были большей частью закрыты, и у Тани появилось ощущение, что городок попросту спит. Ольга будто прочитала ее мысли:

– Сиеста. До шести тут жизни нет. Впрочем, и после шести мало что происходит!

В ее голосе послышалась плохо скрытая ирония. Таня с удивлением подняла на нее взгляд. Городок настолько завожжил ее именно этим своим безлюдьем и какой-то сказочной тишиной, что она не понимала, как можно над ним смеяться.

– Если бы я не ездила в Питер раз в полгода, наверное, сошла бы с ума, – продолжала жаловаться соотечественнице Ольга. – Меня там не понимают – живу в раю, муж, ребенок, работать никто не заставляет, чего мне еще надо? А я, как вечер придет, прямо выть готова! Выучилась тут водить машину, а ехать некуда, общаться не с кем... Существу как живой труп, честное слово! Дочери четыре года, и она у меня совсем гречанка. По-русски не желает говорить, хотя немножко понимает. Я последний раз привезла ей из

Питера русские сказки с картинками, чтобы хоть как-то ее приобщать к родному языку... Ей неинтересно, не слушает, не смотрит. У меня иногда бывает жуткое чувство – что я сама забыла русский язык. Начинаю говорить сама с собой и уже не уверена, что произношу слова правильно... Вы меня хорошо понимаете?

– Конечно, – завершила Таня, не слишком внимательно прислушивающаяся к ее исповеди. Она не сводила взгляда с залива Мармари, ослепительно сияющего на солнце. Тут и там на нем виднелись черные точки – это были вышедшие в море рыбацкие лодки. – Да, трудно, наверное, жить в городе, где все друг друга знают. Не могу себе представить, зачем сюда приехал Паша...

– Вы привезли его фотографии? – разом сменив жалобный тон на деловой, поинтересовалась Ольга. – Очень хорошо, теперь его опознают хозяева гостиницы. Вон она, в переулке, видите? Но нам не туда, наш отель последний, дальше только дорога на Каристос.

– Куда дорога? – Таня послушно повернула голову и рассмотрела в переулке, круто поднимавшемся в гору, вывеску отеля.

– На Каристос. Это южная столица Эвии.

– Там тоже живут три тысячи человек?

– Нет, это большой город, там живет тысяч пятнадцать, – совершенно серьезно информировала ее новая знакомая. – Туда ездят учиться, работать, за всеми крупными покупка-

ми. На машине отсюда тридцать километров, очень красивая горная дорога. Да мы туда съездим вечером, нас ждут в полиции!

– Почему там? Ведь его нашли здесь?

– Да ведь в Мармари нет полиции! – засмеялась Ольга, забавляясь недоумением своей спутницы. – Ни одного полицейского! Здесь никогда ничего не случается!

– Никогда? – не верила та. – Никто не дерется, ничего не крадет, никого не убивают?

– Никогда! – эхом откликнулась Ольга.

Теперь они свернули в переулок, под смелым углом поднимавшийся в гору. Временами бетонная мостовая переходила в длинную лестницу с широкими ступенями. По бокам тянулись отели со звучными морскими названиями: «Артемида», «Морская звезда», «Дельфин». Все двери были гостеприимно распахнуты настежь – эту греческую особенность Таня тоже успела отметить, пробыв в этой стране всего несколько часов. Она подняла голову и осматривала окна. Везде были опущены жалюзи, закрыты спальни, на балконах – ни единого полотенца, все зонтики от солнца понуро закрыты. Отели были пусты, и кого ожидали за этими раскрытыми дверями, оставалось загадкой.

Становилось по-настоящему жарко, и Таня стянула на ходу ветровку, небрежно повязав ее вокруг талии. Солнечные очки она взять не догадалась, а сейчас с удовольствием бы их надела – белые бетонированные мостовые щедро отража-

ли солнечный свет, и ей приходилось щуриться. Ольга, по-видимому привыкшая карабкаться по местным крутым переулкам, бодро шагала впереди и время от времени оглядывалась, делая подбадривающие жесты:

– Осталось чуть-чуть, вот и ваш отель, видите! Вас там с утра ждут!

Таня поднимала голову, но ничего не видела, кроме очередной высокой стены, увитой плющом или виноградом. Наконец они преодолели последнюю лестницу и ступили на просторную ровную площадку перед белым пятиэтажным зданием – пожалуй, самым большим из всех, что она видела в Мармари. Здание было построено в форме полукольца, перед ним сверкал ослепительно-голубой бассейн, до краев наполненный водой. У бассейна безнадежно ожидало посетителей пустое летнее кафе под пальмовым тентом, на флажштоках перед входом развевались выгоревшие, истрепавшиеся за лето на морском ветру флаги – греческий, немецкий, итальянский, датский...

Из-за стеклянных дверей появилась улыбающаяся загорелая женщина и быстро пошла к ним навстречу, уже издали протягивая для приветствия руку. На вид ей было слегка за сорок. Крепко, но изящно сложенная, золотоволосая, с искрящимися, чуть кошачьего очерка глазами, она была очень мало похожа на гречанку, и, как выяснилось тут же, Таня не ошиблась в своем первом впечатлении.

– Это Матильда, жена хозяина гостиницы, – представила

ее Ольга, дружески пожав протянутую руку хозяйки и держась с ней как со старой знакомой. – Матильда у нас из Италии, тоже, можно сказать, эмигрантка, как и я.

Таня тоже пожала руку хозяйки и ответила на ее искреннюю, удивительно теплую улыбку. Эта женщина сразу вызвала у нее симпатию и доверие, впрочем, как и весь городок, греющийся у ее ног под склоняющимся к горизонту солнцем. Было так тихо, что до нее отчетливо доносилось многоголосое пение петухов из какой-то невидимой деревни в предгорьях, и от этого звука у девушки отчего-то замирало сердце – как будто она находилась в красивом, но непрочном сне, который мог вот-вот оборваться.

– Обед давно готов, пойдемте сразу к столу, – перевела Ольга приветствие хозяйки. – Сумку можно оставить у стойки, а умыться внизу... Матильда боится, что ягненок пережарится.

В скромном, домашнего вида холле их встретил смуглый черноволосый парень-портье. Он попросил у Тани паспорт, отдал ей ключ от номера, поставил ее сумку под стойку и проводил гостей в туалетную комнату. Матильда исчезла, едва переступив порог. В следующий раз Таня увидела ее уже в пустой просторной столовой, декорированной более чем аскетически. Голубые стены, выкрашенные масляной краской, белые пластиковые столы, железные стулья, цементный пол – все говорило о том, что владельцы гостиницы и их клиенты за роскошью не гнались и предпочитали простые удобства.

У нее впервые мелькнула мысль, есть ли удобства в ее номере. Подумать об этом заранее она не удосужилась – ведь ее пребывание в Греции было кем-то оплачено (она предполагала, что полицией), и спрашивать по телефону, сколько звезд у отеля, где она будет жить, ей даже в голову не пришло. Ольга, устроившись рядом с ней за столом, заметила ее напряжение:

– Тут очень просто, да? Знаете, летом цементный пол очень удобен, ведь тут страшная жара! Ну, а насчет интерьеров никто особенно не беспокоится. Это семейный отель, из не очень дорогих, но самый лучший в Мармари!

– А это... – Таня нерешительно потерела край пластиковой клеенки, – тот самый отель, где останавливался Павел?

– Тот самый, – почему-то шепотом ответила Ольга, хотя говорили они по-русски, и в зале никого, кроме них, не было. – И ваш телефон нашелся в старом журнале, где регистрировались междугородные звонки из номеров. Он не сумел его сам набрать, что-то не срабатывало, и тогда записал и дал хозяину – тот как раз был за стойкой портье. Димитрий уже сам вам дозвонился и передал трубку вашему другу.

– А если бы этот журнал не нашелся?

Ольга только развела руками:

– Значит, кому-то наверху было угодно, чтобы нашелся! Вообще-то, вряд ли Матильда хранит еще какие-то бумажки четырехлетней давности. Ведь это даже не налоговый от-

чет... Но вот – повезло.

«Тоже мне везение!» – подумала Таня, но озвучивать свою мысль не стала – к столику в этот миг как раз направлялась Матильда, с тяжело нагруженным подносом. Она вмиг устала, поставила тарелками, откупорила бутылку вина, придвинула запотевший графин с водой, в которой плавали большие куски колотого льда, и по-английски назвала Тане все блюда. Та поблагодарила, в легкой растерянности оглядывая стол. Это было настоящее пиршество, на которое она никак не могла рассчитывать, судя по скромному виду столовой. Домашний творог с рубленой зеленью, свежее испеченный хлеб нескольких сортов, овощные закуски, среди которых фигурировал, конечно, греческий салат, украшенный толстым голубоватым пластом брынзы, залитым оливковым маслом, жаркое из ягненка и целое блюдо жаренных во фритюре осьминогов – все это с трудом разместилось на столе, рассчитанном на четверых. Ольга сразу схватила вилку и отломала огромный кусок белого хлеба:

– Я попросила Матильду подать горячее сразу, сказала, что мы очень проголодались. Попробуйте осьминогов – сегодня утром они еще плавали в море. Тут все свежее, все только бегало-прыгало-росло, сейчас почувствуете разницу! В Москве таких продуктов нет!

Таня даже не собиралась с ней дискутировать – она уже ела, молча, с неприличной жадностью, разом вспомнив о том, что ни сегодня, ни вчера не проглотила толком ни кус-

ка из-за взвинченных нервов. Матильда с удовольствием посмотрела, как русская гостья поглощает ее стряпню, и с одобрительным возгласом исчезла на кухне, откуда плыли какие-то умопомрачительные запахи.

– Вино местное, хозяйское, Димитрий сам его производит и бутилирует, даже в Афинах его можно купить! – Ольга налила полный стакан и придвинула его гостье: – Кисловатое, но ничего себе, попробуйте!

Таня кивнула и сделала большой глоток терпкого розового вина, откинувшись на спинку стула. Все казалось ей чрезвычайно вкусным, даже ледяная вода, набранная, как тут же просветила ее Ольга, из какого-то горного источника только сегодня на рассвете. Теперь скромная столовая казалась ей прекрасной. Здесь все было на своих местах, ничто не било на внешний эффект, а было рассчитано для удобства, все было замечательно. Ее умиляла даже стайка мух, кружащихся под потолком вокруг дешевой люстры. Вечерело, и солнечный свет, пробивающийся сквозь приспущенные жалюзи, приобретал янтарный оттенок. С веранды, где тоже стояли обеденные столики, в зал вошла раскормленная кошка и, увидев гостей, подошла к Тане и фамильярно потерлась о ее кроссовки... Ольга закурила и умиротворенно выпустила струйку дыма к потолку:

– Матильда просто сумасшедшая кулинарка, в жизни не ела ничего вкуснее! Пользуйтесь случаем, пока тут живете, – она ни разу не подаст одного и того же блюда!

– Неужели Матильда всегда готовит сама?

– Ну что вы, тут летом целый штат прислуги, это сейчас все в отпуске. Не сезон! – пояснила Ольга. – И потом, вы же почетный гость, она ради вас старается!

– Не могу понять, что тут почетного? – усомнилась девушка, снова берясь за вилку. Она уже наелась, но расставленная на столе еда побуждала к преступному обжорству. Впрочем, тут все располагало к сладостной расслабляющей лени – особенно деревенская тишина, очень заметная в пустующем отеле. – Неужели их отелю нужна такая реклама?

– При чем тут реклама? Убили-то вашего друга не здесь, – возразила Ольга, доливая свой бокал. Она слегка покраснела, ее светло-голубые глаза приобрели сонное выражение. – Он приехал сюда, поселился, переночевал, утром ушел из отеля и с тех пор не появлялся. Просто Матильда и Димитрий рады оказать услугу властям Каристоса, это же наш административный центр.

– Скажите, а почему тут не знали его имени? – вдруг нахмурилась Таня, вспомнив о своем паспорте, который пришлось оставить у портье. – Почему не внесли его в журнал?

– Вот в том-то и дело, что у Матильды и Димитрия совесть не совсем чиста перед властями, – перегнулась к ней через стол переводчица. – За такие дела можно и лицензии лишиться! Он не предъявлял им паспорта, сказал, что документы у нотариуса, будут через несколько дней. Димитрий говорит, что он им рассказал, будто хочет купить какую-то

недвижимость на Эвии и поселиться тут. Ну, сами понимаете, они не стали настаивать, тут же семейный отель, тем более он произвел на них хорошее впечатление. Молодой, деловой, уверенный... И все-таки селить его без паспорта они не имели права! Они его даже в журнал не внесли, это уж вообще... Тут, понимаете, маленький курорт, нравы простые, деревенские, все на доверии... Они даже в полицию не сообщали, что постоялец не вернулся. Убрали его вещи под замок и думали, что он за ними приедет. Мало ли – вдруг его дела задержали! Потом они просто о нем забыли, но когда нашли второй труп в могиле моего свекра, сразу о нем подумали и обратились в полицию! И вот видите – вышли-таки на вас!

– В могиле вашего, простите, кого? – изумилась Таня.

Ольга снисходительно махнула рукой, словно отменяя возможные соболезнования:

– Свекра, отца моего греческого мужа. Я, можно сказать, тоже оказалась причастна к этому делу. И то, надо сказать, это здесь такой предмет обсуждений! До сих пор не могу забыть, что творилось, когда при нас открыли гроб, а там...

– Тело вашего свекра эксгумировали? – продолжала недоумевать девушка. – Простите, но зачем?

– Чтобы перезахоронить, – невозмутимо ответила Ольга и, встретив непонимающий взгляд, кивнула: – Ну конечно, вы не знаете об этом обычае! Тот, кто подложил туда тело вашего друга, тоже не знал, так что сразу можно сказать – это

был не грек! Он-то думал, что избавился от него навсегда, и понятия не имел, что в Греции все могилы вскрываются через четыре года, скелет достают, обрабатывают особым способом и замуровывают в стене на кладбище. Это вторые похороны, понимаете? Собирается вся родня, приглашают священника, накрывают стол, снова прощаются с покойным... Убийца, получается, ничего этого не знал. Ему даже в голову не пришло, почему рядом с Мармари такое крохотное кладбище, всего-то на пару десятков могил. Конечно, городок у нас маленький, но не вчера же он тут построился, за годы должны были умереть сотни людей!

Таня слушала, не перебивая, давно уже положив вилку на стол. Есть больше не хотелось, столовая уже не казалась ей такой приветливой и уютной. Из кухни показалась Матильда. Подойдя к столу, она осведомилась по-английски, всем ли довольны гости? Ольга дружески махнула ей рукой:

– Мы закончили, спасибо! Сделай нам кофе!

– Я испекла пирог с лимоном. – Хозяйка гостиницы обращалась только к Тане, пытаясь поймать ее взгляд. Она явно встревожилась, отметив изменившееся выражение ее лица. Та попыталась улыбнуться в ответ, но не смогла – у нее в голове все еще звучали слова Ольги. «Убийца ничего этого не знал». – Это семейный рецепт, надеюсь, вам понравится. Принести еще чего-нибудь?

Таня наконец встряхнулась и нашла в себе силы поблагодарить Матильду, которая смотрела на нее уже с настоящей

тревогой. Хозяйка удалилась, а девушка повернулась к переводчице:

– Вы сказали, это было убийство. Как он умер?

– Мне вообще-то не полагается с вами это обсуждать, – смутилась та, – но, в конце концов, я в полиции не служу и подписки не давала... Два выстрела из пистолета – в грудь и в голову. Настоящий бандитизм!

И сочувственно вздохнула, явно ожидая Таниной реакции. Однако та восприняла эту новость без видимых эмоций – они отчего-то не зашкалили, как будто она рассчитывала услышать нечто подобное. Таня сама удивлялась своему спокойствию и теперь могла сказать, что приняла верное решение, когда уехала в Грецию одна. «Если бы я взяла с собой Пашину маму... А если Наташку – страшно представить, что она могла бы тут устроить! Она бы билась в истерике, как тогда, в первые дни после того, как он перестал звонить! Мы все думали, что кончится больницей, ее даже парень бросил, испугался, что связался с психопаткой! Только клин клином и вышибло – тогда она принялась страдать из-за парня, и понемногу все сошло на нет. Что ж, я сделаю для Пашки последнее, что могу сделать. Опознаю его и позабочусь, чтобы тело перевезли в Москву. Мне почему-то совсем не страшно, только как-то тяжело и не по себе, будто я взвалила на себя чужое дело... Но ведь даже Иван сказал – поезжай, а он-то первый мог возмутиться. Против была только мама. Ей все кажется, что я маленькая и со мной может что-то случиться.

Надо позвонить ей и сказать, что я живу в таком городке, где даже нет полиции. Интересно, это ее успокоит?»

Она пила кофе, ела еще горячий пирог с лимоном, время от времени разгоняла повисший над столом табачный дым – Ольга в одиночку приканчивала бутылку вина и теперь курила не останавливаясь – и снова думала о том, от чего ее уберегла судьба, не дав отправиться в Грецию вместе с Пашей четыре года назад. «А случилось бы ЭТО, если б с ним поехала я?» – впервые задала она себе вопрос и не смогла на него ответить. «И ЧТО с ним вообще случилось? Два выстрела, понятно. Но почему?! Это настолько не вяжется с Пашей, что как будто вообще сказано не о нем... Может, это все-таки не он?» Таня знала только одно – кем бы ни был человек, которого ей предстояло опознать, что бы с ним не случилось, это произошло здесь, неподалеку от этого безмятежного городка на берегу искрящегося бирюзового моря, и так же пели петухи в окрестных деревнях, и вращались на холмах ветряные мельницы, и такой же вкус был у хлеба и вина в гостинице улыбчивой златовласой Матильды.

«Лучше не говорить маме, что здесь нет полиции, – решила Таня, отодвигая опустевшую чашку и первой поднимаясь из-за стола. – Иногда это звучит пугающе!»

Глава 2

Она открыла глаза, когда в номере было уже совсем темно, и некоторое время не понимала, где находится, почему так тихо и рядом с нею нет Юрия Долгорукого, который всегда спал под мышкой у хозяйки. «Греция! – вспомнила она через полминуты и села на постели, пытаясь прийти в себя. – Мармари! Сколько же я спала? Нам надо ехать в полицию, в Каристос, а Оля меня не разбудила!»

Она соскочила с постели, отдернула плотную штору, открыла дверь на балкон и вышла туда босиком, в одной майке, поеживаясь от свежего вечернего воздуха. Это мигом привело ее в себя – все-таки был октябрь, тело разом покрылось «гусиной кожей». Перегнувшись через перила балкона, она, насколько смогла, охватила взглядом фасад отеля. Все окна, которые ей удалось увидеть, были темны, только внизу, под навесом крыльца, виднелся свет. Отель был пуст – об этом говорила и глухая тишина, царившая в большом здании. На миг ей стало жутко, Таня вернулась в номер, включила свет и телевизор, взглянула на часы. Половина девятого – конечно, она проспала все на свете. Не успела Таня подумать об этом, как на столике у кровати зазвонил телефон. Она схватила трубку и услышала заспанный голос Ольги:

– Не разбудила? Я только что сама проснулась, и увидела у вас на балконе свет. Мы в соседних номерах, я остановилась

тут, чтобы быть поближе.

– Я уже не сплю. Мы никуда не едем?

– Почему? – удивилась та. – Выпьем кофе и поедем, а еще лучше отправимся сразу, кофе нам везде дадут. Жду вас внизу, у стойки. Нас отвезет Димитрий, он только что вернулся.

Слегка ошеломленная Таня повесила трубку и торопливо умылась в крохотной ванной комнате, выглядевшей весьма скромно: простенький душ с пластиковой занавеской, притиснутый к маленькой раковине, на бортике которой с трудом умещался стакан для зубной щетки и мыльница, немодный белый кафель, застиранные полотенца с эмблемой отеля. Таня плеснула в лицо водой и, выпрямившись, оглядела свое отражение в зеркале, сильно подсвеченном люминесцентной лампой. Оно ей не понравилось – девушка нашла, что она слишком бледна, под глазами откуда-то взялись озабоченные морщинки, и сам взгляд был какой-то затравленный, будто ожидающий нападения. «Подумаешь, полиция, – сказала она вслух, яростно причесываясь и раздирая щеткой спутавшиеся за время сна каштановые, остриженные в каре волосы. – Мне наверняка покажут не его самого, а фотографии. Что там могло остаться после четырех лет?»

При этой мысли ее ноги вдруг подкосились, и она вцепилась в полотенцесушитель, к счастью, холодный. Яркий свет в ванной как будто потускнел, и она с поразительной, неприятной отчетливостью увидела вдруг картину из далекого прошлого – раннее утро, ее двадцатый день рождения,

Паша будит ее, целуя в нос, чего она терпеть не может. Таня хочет возмутиться и напомнить, что сегодня она в институт не идет, а занимается праздничным столом, но оказывается, он только что бегал на рынок за углом и принес ей огромный букет ее любимых белых лилий. Только белые лилии, больше ничего – как она любит. Таня садится в постели, натягивая на голые плечи ускользящее одеяло, неловко берет у него из рук умопомрачительно благоухающий мокрый букет, и он снова целует ее, на этот раз по-настоящему, в губы. У него довольный вид, он рад, что сумел ее удивить. Она следит за тем, как он собирается в институт, и думает о том, как ей повезло и какой у нее любящий, внимательный и, на зависть всем сокурсницам, красивый парень!

«Какой я была тогда маленькой! – Таня прогнала видение, и вместе с ним ушла слабость. Она выпустила полотенцесушитель и вышла из ванной, погасив за собой свет. – И какой я себя считала большой! Какой опытной и умной! Как рычала на маму, когда она пыталась давать советы! Как презирала осторожность, как верила в свою звезду! Силен же был мой ангел-хранитель, если он не пустил меня в Грецию вместе с Пашкой! Возможно, тогда пришлось бы опознавать два трупа...»

Она быстро оделась, натянув мешковатые вельветовые брюки и замшевую куртку поверх легкого свитера. Подкрасилась лишь слегка, оттенив зелеными тенями свои серые глаза, которые сурово смотрели из-под широких густых бро-

вей, выщипывать которые Таня упорно не желала. Бледная помада на губы, капля духов на шею – и она легко сбежала по винтовой лестнице на первый этаж, пугая своими шагами тени в пустых темных коридорах.

Ольга ждала ее в холле, дымя сигаретой и с кем-то по-гречески беседуя по мобильному телефону. Увидев свою подопечную, переводчица махнула рукой:

– Идите на улицу и садитесь в машину, нас уже ждут. Вы взяли его фотографии?

Два Пашиных снимка, которые Таня сочла самыми удачными, она хранила за обложкой своего загранпаспорта. Забрав его у портье, девушка спросила Ольгу, уже закончившую разговор, не стоит ли их прямо сейчас показать хозяину гостиницы или его жене? Та отнеслась к этому предложению резко отрицательно:

– Нет, он должен опознать их в полиции. Под расписку, что ли. В общем, никакой самостоятельности, и я вам ничего не рассказывала, хорошо? А то мне там выскажут...

– А Матильда тоже поедет?

– Нет, да ей и незачем. Она вашего друга не видела, он общался только с Димитрием. Он уже в машине, идемте!

Рядом с бассейном, ртутно блестящим в свете нескольких фонарей, стоял желтый микроавтобус «Мерседес», на боку которого черной краской было написано название отеля – «Солнце Мармари». Оттуда выпрыгнул высокий смуглый мужчина и приветствовал женщин по-гречески и по-англий-

ски. Таня ответила и подала ему руку. «Они все тут так мне улыбаются, будто только и мечтали, что я приеду! Интересно, это у них профессиональное или искреннее? Вроде тут русских любят, все же братья-православные». Димитрий пожал ей руку бережно и осторожно, и спросил девушку, удалось ли ей отдохнуть?

– Я отлично выпалась, – сказала она, через плечо оглянувшись на отель. – Так тихо! А что, все остальные номера пустые?

– Сейчас да. – Димитрий пригласил ее в автобус радушным жестом. – Но через пару дней придет группа немцев, они в это время купаются. Днем еще бывает жарко, да вы увидите! Если не решитесь зайти в море, то можно купаться в бассейне. Вода у нас морская, греки в хлорированной не купаются! После полудня солнце хорошо ее прогревает...

– Через пару дней я, наверное, уеду, – возразила Таня и ей вдруг стало грустно, как будто она в самом деле ехала сюда с тайной мечтой искупаться.

Путь до Каристоса занял минут сорок, и красот горной дороги Таня так и не разглядела. Ей запомнились только кусты лилового вереска по обочинам, то и дело попадавшие в свет фар, и блеск ночного моря, щедро залитого луной – оно то и дело выныривало из-за скалистой гряды, вдоль которого шло шоссе. Наконец навстречу стали попадаться машины, замелькали указатели, их начинали обгонять. Приблизился город, и Таня придвинулась к стеклу, жадно вглядыва-

ваясь в появлявшиеся из темноты перекрестки, магазины с освещенными витринами и настежь распахнутыми дверями, неоновые вывески, смысл которых она с трудом, но все-таки угадывала. Микроавтобус немного постоял в пробке перед площадью, свернул на набережную и проехал мимо ряда уличных кафе, подходивших почти к самой воде, на которой качались тесно пришвартованные яхты. Наконец он остановился, и Димитрий, обернувшись, весело сверкнул зубами:

– Мы приехали рано. Выпьем кофе?

Расположились в уличном кафе, где хозяина гостиницы, по всей видимости, хорошо знали. Тут же появились какие-то люди, они обнимали его, хлопали по спине, громко разговаривали, то и дело поглядывая на сопровождавших его женщин. Ольга, подойдя к стойке, заговорила по-гречески с полной пожилой женщиной, и та, кивнув, принялась варить кофе. Таня держалась чуть поодаль, разглядывая яхты, согласен покачивающиеся на маслянисто-черной воде, в которой отражались огни фонарей. Сильно пахло сырой рыбой, лежавшей здесь же под тентом на лотке, среди пористых кусков серого льда. Под лотком лежал раскормленный полосатый кот, на плоской морде которого было написано отвращение – его явно мучило от такого обилия еды. Ольга обернулась и нашла взглядом Таню:

– Садитесь, сейчас принесут кофе. Хотите пирожных? Свежие!

Таня жестом отказалась, но пирожные все равно принес-

ли. «Если так пойдет и дальше, я осуществлю мамину мечту и поправлюсь килограммов на пять, – подумала она, принимаясь за них. Во всяком случае, никто не поверит, что я тут сильно страдала и зализывала старые раны!»

Усевшись напротив и помешивая кофе, Ольга прислушивалась к разговору мужчин. Внезапно она сощурилась и быстро взглянула на Таню, та с недоумением встретила этот взгляд:

– Что случилось?

– Ничего, – поколебавшись, ответила та. – Они говорят, что, возможно, вам сейчас покажут тело. Вы как, готовы?

Таня отодвинула тарелку с пирожными, пальцы у нее слегка дрожали. «Я не готова. Я не хочу!» – хотелось выкрикнуть ей, но она только слабо мотнула головой. Ольга поняла этот жест и заговорщицки прошептала:

– Хотите, я скажу им, что вам стало нехорошо, и мы вернемся? Отдадите фотографии и хватит. Вы не обязаны, в конце концов... Я же видела его. Могу сказать, что ничего ужасного там нет, но вы-то ему не чужая, тут дело другое... Ну как, сказать?

– Не надо, я опознаю, – довольно твердым голосом ответила Таня.

– Как знаете, – с сомнением заметила переводчица. – Вообще-то, я никакого смысла в этом опознании не вижу, там же просто скелет! Вам что, плохо?

– Все в порядке! – Таня резко встала из-за стола и всей

грудью вдохнула морской воздух. Ей стало чуть легче. – Давайте туда скорее пойдем, а то мне кажется, будто я на отдыхе. Странное какое-то чувство, никак не пойму, как себя вести.

– Я этого уже пять лет никак не пойму, – согласилась с ней Ольга. – Иногда создается впечатление, что тут все только и делают, что отдыхают. Но это только впечатление. Идемте. Димитрий!

Она окликнула хозяина, что-то объяснила ему по-гречески, и все трое пешком отправились в обратную сторону, к площади. Полицейский участок располагался в одном из узких переулков, тесно заставленных машинами, так что для пешеходов оставался только узкий проход. Рядом с участком стояла одна патрульная машина с погашенными фарами, на тротуаре курил видный молодой парень в форме, его белая рубашка казалась розовой в неоновом свете вывески расположенного рядом большого кондитерского магазина. Увидев Димитрия, полицейский пожал ему руку.

– Такое чувство, что тут все друг друга знают, – заметила Таня, с тревогой поглядывая на двери участка. Идти туда ей вовсе не хотелось, она ощущала себя как перед кабинетом зубного врача.

– Да это парень из Мармари, – просветила ее Ольга, попутно здороваясь с молодым полицейским за руку. – Уж у нас точно все друг друга знают. У его матери таверна рядом с отелем. Видите, у нас там нет работы для молодежи, так

что все в Каристосе или уезжают в Афины. Там ведь живет половина населения Греции, а все прочее – в сущности, деревни... Идемте, он говорит, нас ждут.

Таня переступила порог участка, ожидая, что ею немедленно займутся как важной персоной, приехавшей на опознание специально из Москвы. Она справедливо полагала, что в этом маленьком городке подобное случается нечасто. Однако ее появление не вызвало никакого ажиотажа. Ольга усадила девушку в углу, придвинув довольно засаленное пластиковое кресло, похожее на те, что стоят в аэропортах, и отправилась разговаривать с начальством. Начальство – высокий грузный мужчина с седыми бакенбардами занимал половину маленькой приемной, отчего комнатка казалась еще меньше. В одной руке он держал пластиковый стаканчик с кофе, в другой – бормочущую рацию. Слушая Ольгу, энергично что-то объяснявшую и указывавшую на Таню, он время от времени издавал густой басовитый звук, словно пробовал голос перед тем, как запеть, но ничего не говорил. Таня только раз поймала на себе его взгляд, но это заставило ее слегка поежиться – глаза у него оказались пронзительными, цепкими и неожиданно светло-голубыми. Наконец он поставил на стойку с компьютером свой кофе, сунул в чехол у бедра рацию и двинулся к Тане. От него исходил сильный запах дорогого одеколona, протянутая для пожатия рука была обжигающе горячей и влажной. Ольга, высунувшись у него из-за спины, перевела его слова:

– Он спрашивает, готовы ли вы взглянуть на кое-какие вещи?

– На... – дрожащим голосом переспросила Таня, невольно поднимаясь с места, – что?

– На вещи, которые сняли с тела, – пояснила та. – К счастью, само тело вам показывать не будут, да я так и думала – нет никакого смысла! Мы сами в первый момент, как открыли гроб, не могли понять – где наш дед, где чужой мужчина... Ну, на нашем-то был черный костюм с галстуком, а на вашем...

– Я готова, – слегка приободрилась девушка. – Я помню его вещи. Сама собирала в дорогу.

Ольга быстро перевела это полицейскому, тот одобрительно что-то прогудел в ответ. Таню повели за стойку, затем она попала в большую, насквозь прокуренную комнату, где оглушительно орал телевизор, передающий какое-то спортивное шоу, и там ей совершенно будничным образом предъявили выдвинутый из шкафа ящик, в котором лежали накрытые листом целлофана вещи. Бурые пятнистые джинсы, некогда синий, а теперь скорее тоже бурый свитер, маленькую кучку грязного белья, видимо, нательного. Это было все. Таня с сомнением пожала плечами.

– Не знаю. Джинсы у него были, и не одни. Фирма... Уже не помню, что-то с рынка, на настоящие у нас тогда денег не было. Синий свитер был, но как его опознавать, ума не приложу. Вроде, там на груди была какая-то эмблема...

– Какая? – спросила Ольга, переведя ее слова греку. – Он просит вспомнить. Слово? Рисунок?

– М-м-м... – замялась Таня, не сводя глаз со свитера. – Это было так давно... Если бы еще я этот свитер покупала, а то он сам...

– Свои вещи всегда помнишь, правда? – поддержала ее переводчица. – Я вот помню платьица, в которые меня в детстве одевали, и свои новогодние костюмы, и все-все! А спроси меня, есть у моего мужа какая-то там эмблема на свитере и что там нарисовано – не скажу! Хотя видела его только сегодня утром.

Таня не слушала ее – она вообще старалась отключить слух и не замечать вокруг себя этой шумной неуютной комнаты, отгородиться от воплей спортивного комментатора в телевизоре, от эмоциональных выкриков нескольких полицейских, собравшихся перед экраном и не обращавших никакого внимания на то, что происходило у них за спиной, на соседнем столе. Она смотрела на грязную пятнистую тряпку, которая когда-то была синим свитером, надеясь, что ее память выдаст, наконец, требуемую информацию... «Картинка была или нет? Почему я не могу сказать, что нет? Ведь ее же не было, кажется, на том синем свитере. Не было или была?» Таня уже собиралась было попросить, чтобы это бестолковое опознание закончили, как вдруг перед нею ясно, будто на экране еще одного телевизора, возникла картинка – канун отлета Паши в Грецию, она укладывает в сумку его вещи, а

тот, нервничая и одновременно разговаривая с кем-то по телефону, то и дело подбегает к ней и выбрасывает что-то из сумки. И сует туда этот свитер, и тогда уже возмущается она и пытается выбросить его, потому что...

– У этого свитера на груди слева была зашитая дырка, – громко произнесла Таня, не сводя глаз с разложенных перед нею вещей. – Его купил сам Паша в секонд-хэнде, на груди была дурацкая нашивка с каким-то пингвином и хоккейными клюшками, и он попросил меня эту нашивку спороть. Я спорола, но задела лезвием сам свитер, он пополз... Зашила, но все равно было видно. Паша хотел взять его в Грецию, я была против, но он все равно его положил.

Ольга быстро перевела, полицейский открыл верхний ящик стола, достал оттуда медицинскую латексную перчатку, ловко, одним движением натянул ее на свою полную потную руку и расправил этой рукой сложенный свитер. Таня впиалась взглядом в то место, где когда-то была эмблема, а теперь должен был обнаружиться довольно рельефный кривой шов... Но там зияла довольно обширная, в ладонь, дыра с обожженными, как ей показалось, краями. Ольга, тыча пальцем в свитер, возбужденно заговорила с полицейским, тот кивнул, покосился на Таню и, сорвав перчатку, швырнул ее в мусорное ведро, полное пластиковых стаканчиков, окурков и апельсиновой кожуры. Вид у него был крайне недовольный.

– На этом месте дыра от выстрела, – почему-то шепотом

поделилась информацией Ольга, хотя их и так никто не смог бы понять. – А джинсы не сможете опознать?

– Нет, – категорически заявила девушка, стараясь больше не смотреть на стол. То, что было на нем разложено, внезапно стало внушать ей смутный, липкий страх, тесно смешанный с брезгливостью. Она была готова допустить, что это вещи Паши... Но никаких горестных чувств у нее по этому поводу не рождалось – ей просто хотелось отвернуться. «Все-таки мама была права, живым надо жить, а это мое прошлое давно уже мертво...»

– Тогда он просит вас опознать вещи, оставленные в гостинице, – с сожалением протянула Ольга, переводя отрывистые фразы помрачневшего полицейского. – Они здесь.

Тане предъявили спортивную сумку, которую она узнала сразу, как увидела. Так же легко далось ей опознание вещей, которые полицейский по очереди доставал оттуда и выкладывал на стол, с которого уже были убраны жутковатые тряпки, снятые с трупа. Она только кивала и удивлялась тому, что так живо все помнит – до последних мелочей.

– Да, это его майки, должны быть три, правильно? Черные брюки. Белая рубашка с короткими рукавами, к ней бордовый галстук с синей полосой. Черные ботинки. Он уехал в кроссовках, а где они? Вы мне их не показывали среди вещей из гроба!

Кроссовок не оказалось, и это была не единственная пропажа. Среди вещей не было ни тонкой золотой цепочки с та-

лисманом-черепашкой, которую Павел всегда носил на шее, ни его часов – поддельного «роллекса», купленного в подземном переходе на Тверской, ни бумажника с документами, ни кошелька с деньгами. Таня помнила даже сумму – пятьсот долларов. Больше у него просто не было, за большим он и ехал в Грецию, надеясь вернуться в Москву состоятельным человеком.

– А что, на том, кто лежал в гробу, обуви не было? – нахмурилась она, перечислив пропажи.

– Он был в носках, – просветила ее Ольга. – Не думаю, что он так разгуливал, потому что было жарко, ясно, что обувь пропала потом... А насчет цепочки, часов, денег – все это тоже могло быть при нем, когда его... В общем, похоже, с него сняли все негниющее, чтобы нельзя было опознать.

– А что же одежду оставили?

– Может, торопились, – пожала плечами та. – А может, решили не возиться, думали, никто в могилу не полезет... Раздевать труп – это, я вам скажу, не так просто, как кажется!

Поймав недоуменный взгляд своей соотечественницы, переводчица пояснила:

– Я помогала одевать для похорон своего свекра, так мы намучились! В общем, в гостинице были его вещи, а вот чьи в гробу, вы точно сказать не можете?

– Не могу, – пробормотала Таня, с тяжелым чувством разглядывая знакомые вещи на столе. Перед нею на миг возникли лица сестры и матери Паши – растерянные, испуганные,

беспомощные... Несчастье, случившееся четыре года назад, все еще было свежо для них, забыть его так, как забыла Татьяна, они не могли и все еще чего-то ждали, на что-то надеялись. «С Наташкой случилась истерика, когда я позвонила ей и сказала, что нужно поехать в Грецию. Я просила ее не говорить ничего маме, но она, конечно, сразу разболтала, и та уже звонила мне, плакала, спрашивала, что я от нее скрываю? Я! Как будто я сама что-то знала... Разве я могла допустить, чтобы кто-то из них поехал на опознание? Что бы сейчас тут творилось! Да и заграничных паспортов у них не было, и денег лишних тоже. Мать уже пенсионерка, Наташка вечно в долгах, никак не может отвыкнуть покупать каждую яркую тряпку, которую видит на рынке, и получается, что мою поездку оплачивал человек, который меньше всего в ней заинтересован, – мой муж! Спасибо, что понял...» Ей вдруг страшно, до слез захотелось домой, под защиту Ивана, такого уверенного в себе, такого надежного, сильного. Порою муж, как ей казалось, делал попытки посягнуть на ее самостоятельность, и она яростно ее отстаивала, но сейчас с радостью сдалась бы под его покровительство – так эта самостоятельность показалась ей тяжелой. «Завтра же уеду!» – решила девушка.

У нее взяли фотографии и унесли их в другой кабинет. Ольга куда-то выходила, возвращалась, клала Тане руку на плечо, словно пытаясь подбодрить. У девушки был подавленный вид, полицейские на нее посматривали с интересом

и, как ей казалось, с сочувствием. Кто-то подал ей стаканчик с кофе, она с благодарностью приняла, но пить не стала – в горле стоял комок, она боялась разреветься, как маленькая девочка: «Хочу в Москву!» Потом ее позвали в тесный, до тошноты прокуренный кабинет начальника участка, задали несколько вопросов о Паше, на которые она ответила автоматически, так как ничего трудного они не представляли. Его рост, примерный вес, цвет волос, особые приметы – переломы, вставные зубы, татуировки... Затем захотели узнать цель его приезда в Грецию, предполагаемый срок пребывания, к кому он ехал, координаты этих людей... Девушка затруднилась с последними ответами:

– Его приятель устроился в Афинах, женился на гречанке, получил вид на жительство, открыл свой бизнес... Звал его к себе, меня тоже приглашал, вроде можно было заработать на хорошую машину за несколько месяцев... Паша мечтал купить машину.

– Имя этого приятеля? – переводила ей Ольга вопросы начальника участка. – Род его занятий? Телефон? Адрес в Афинах? Вы его знаете? Звонили ему, когда пропал ваш друг?

– Я ничего не знаю, и никому не звонила, – чистосердечно отвечала девушка, сама понимая, что это звучит достаточно глупо. – Я вообще была не в курсе, к кому мы поедем и чем будем заниматься. У этого друга был какой-то ресторан и вроде бы маленькая гостиница. Или это не у него, а у род-

ственников жены... Я толком не поняла, не расспрашивала! Мои родители были против, и я как-то сразу думала, что не поеду, а потом еще и паспорт в срок не сделали...

Ольга весьма эмоционально перевела ее речь и обратилась к Тане по-русски:

– И правильно сделали, что не поехали, вы понимаете, что я имею в виду! Молодая девушка в чужой стране, непонятно, какая будет работа, у кого жить, это, знаете... Ваш друг, конечно, не собирался вас продавать в публичный дом, но ведь он и сам, наверное, не умирать сюда ехал!

Таня только кивнула – отвечать она была не в силах, у нее пересохло в горле и дрожали пальцы. Чтобы спрятать эту дрожь от посторонних глаз, она сунула руки в карманы куртки. Пальцы наткнулись на что-то холодное, металлическое, незнакомое на ощупь. В следующий момент она поняла, что машинально увезла с собой ключ от номера, украшенный тяжелым металлическим брелоком в виде цилиндра. «Вот что все время било меня по бедру!» Дальше все происходило быстро и как-то скомканно. Ей подсунули какую-то бумагу на греческом, Ольга прочла, сказала, что нужно поставить подпись, это протокол опознания вещей.

– Вещи из гостиницы вы узнали, вещи с трупа – нет уверенности и заявили о пропавших вещах, – пояснила она. – Смело подписывайте, это ни к чему не обязывает.

Таня боялась только того, что ее могут заставить везти домой этот сомнительный труп, о чем она и заявила переводчи-

це, попросив прояснить этот вопрос с полицейским. Та посоветовалась с ним и успокоила девушку:

– Труп вам никто и не отдаст, правда, вещи тоже. Понимаете, в общем то, что вы сообщили о вашем друге, совпадает с тем, что они нашли, но точно-то этого никто не скажет! Он или нет – это еще предстоит выяснить. Тело останется здесь. Будут искать этого афинского приятеля. Кстати, ваш Павел получал от него приглашение? Как он сделал визу?

– У него была туристическая, он купил путевку, самую дешевую. Сказал, что так мороки будет меньше, а его друг все возместит. Так он и на авиабилетах экономил, у туристических компаний ведь чартерные рейсы, иначе пришлось бы платить вдвое больше...

Ольга переводила, а у полицейского чина все больше вытягивалось лицо. Таня понимала почему – туристическая путевка начисто отрезала тонкую ниточку, за которую можно было бы ухватиться в поисках этого греческого приятеля. «А может, таков и был расчет, чтобы его невозможно было найти? – впервые подумала она. – И не в дешевом билете дело? И не в том, что так визу легче получить? Как я не подумала об этом... Как я умудрилась вообще ни о чем не думать, не остановила его, не попросила телефон этого афинского друга! Как его хоть звали?! Паша говорил... Они вместе учились, но тот бросил институт на втором курсе, занялся бизнесом, потом поехал в Грецию, встретил свою Афродиту, молниеносно женился и в Москву возвращался только

наездами, по делам... Как его...»

– Михаил, – вдруг выпалила она, сама того не ожидая и даже вряд ли сознавая, что говорит вслух. – Его афинского друга звали Мишей.

Ольга внимательно на нее посмотрела:

– Мне это перевести?

– Конечно! – удивилась Таня. – Я ведь вспомнила!

– Дело в том, – доверительно сообщила Ольга, – что если я им это скажу, они могут вас тут задержать надолго, а вы вроде собирались быстро уехать. Если не хотите тут застрять, лучше позвоните мне из Москвы и скажите это, я им передам. Второй раз вас приезжать не заставят, будьте уверены.

– Но почему меня задержат? – недоумевала Таня. – Я ведь все равно ничего больше не знаю!

– Вспомнили его имя, можете вспомнить что-то еще, – наставительно заявила переводчица. – Понимаете, они в вас просто вцепятся! У них же ничего нет, никаких фактов, вы единственный источник информации, а дело громкое, такое здесь редкость. Тут обычно кражи, драки, угоны машин... Ну, если хотите, я им переведу.

Таня настояла на этом – ей казалось по меньшей мере странным скрывать от полиции какие-то факты. На миг перед ней будто приоткрылась дверь в прошлое, она увидела там человека, чье имя давно стало для нее пустым звуком, и на миг ощутила к нему прежние чувства – сильные, юные, сентиментальные... Он не бросил ее, не обманул, его просто

убили, и он погиб, даже не успев позвать никого на помощь, один в чужой стране, куда отправился с такими большими надеждами... «Теперь я старше, чем он был, когда уехал, старше на целый год... На целую жизнь! А ему теперь всегда будет двадцать четыре». Она не опознала вещей, извлеченных из могилы, не видела и самой страшной находки, даже на снимке, и все же была уверена, что это был именно Паша. Ей было тяжело и тревожно, и как будто совестно перед ним за те упреки, которыми она заочно осыпала его все эти годы.

Ольга перевела полицейскому то, что вспомнила Таня, и тот повел себя совсем не так, как она предполагала, отреагировав на новость спокойно. Он уточнил имя, спросил, не назывались ли еще какие-то имена собственные в связи с греческой поездкой Павла, а также попросил Таню, как только та что-то вспомнит, связываться с ними напрямую через Ольгу. Задерживать ее в Греции никто не собирался, с легкой грустью уяснила себе девушка.

– Что ж, вы можете уезжать хоть завтра, – подвела итоги Ольга, когда все формальности были завершены и они с Таней вернулись в приемную. – Но теперь уже я вам советую в добровольном порядке задержаться! Это же ничего вам не стоит! Билеты оплачивает полиция, гостиницу – Димитрий, а им все равно, сколько вы проживете, сейчас все номера пустые... Им будет даже приятно, они очень гостеприимные! Оставайтесь на несколько дней, отдохните! Я покажу вам пляжи Мармари, съездим на острова, там виллы Марии Каллас,

Пикассо... Останьтесь!

В ее голосе звучала мольба, и Таня поняла – для ее добровольной переводчицы невыносима сама мысль о том, что придется так быстро расстаться с землячкой. Она улыбнулась, глядя на ее взволнованное лицо:

– Неудобно. Дело-то закончено, да и в Москве меня ждут... Я ведь все бросила, даже свой день рождения отменила.

Ольга немедленно поинтересовалась, когда у нее был намечен праздник, и узнав, что он планировался именно сегодня, возбужденно воскликнула, что это просто замечательно! Дни рождения, по ее мнению, следовало отмечать в новых, незнакомых местах, и тогда жизнь тоже будет идти по-новому!

– Ну на этот раз точно, – согласилась Таня. – Не могу сказать, правда, что я рассчитывала в свой день рождения опознавать вещи из могилы, но новых впечатлений мне хватит на год! Знаете, очень заманчиво было бы тут задержаться... Но, конечно, на день-другой, не дольше. Понимаете, я не так давно нашла новую работу, и мне не хотелось бы ее потерять из-за того, что я вдруг устроила себе отпуск. Сегодня суббота, завтра я могу быть свободна, а в понедельник утром улечу. За один прогул как-нибудь отчитаюсь, навру... Не могу же я сказать правду! Мне никто не поверит!

Ольга понимающе кивнула:

– Это точно, правда чаще всего похожа на ложь. Для на-

чальства приходится что-то придумывать... Я-то отвыкла от работы, сижу с ребенком, садиков тут нет, подкинуть дочку свекрови не могу, та еще работает... Значит, у нас есть все воскресенье! Вы рано встаете? Ничего, если я зайду за вами в девять? Тогда мы больше успеем!

Девушка была слегка ошеломлена ее напором и не успела толком понять, хочется ли ей принимать услуги своей ново-явленной подруги или лучше будет провести этот день в одиночестве, исследуя окрестности Мармари... Она даже больше склонялась к одиночеству, тем более что ей было над чем поразмыслить, но отказать Ольге было бы просто жестоко – та смотрела на нее таким влажным молящим взглядом, в котором читалась такая тоска по общению... И Таня мужественно изобразила улыбку:

– В девять рановато, вот в пол-одиннадцатого я точно проснусь. Конечно, если лягу прямо сейчас. Кстати, где Димитрий? Он опознал снимки?

– Опознал, при мне. – Ольга достала сигареты и поманила девушку к выходу. – Это был он, ваш друг. В чем, в общем, никто и не сомневался. Снимки вам не вернут, ничего? У вас есть копии?

Таня только махнула рукой, выходя вслед за ней на улицу. После прокуренных комнатенок полицейского участка первые глотки свежего воздуха опьянили ее, как крепкое сладкое вино. Возможно, по местным меркам Каристос и был большим торговым городом с развитым уличным движени-

ям и даже пробками, но Тане казалось, что она дышит чистым морским ветром, пахнущим солью, йодом и вереском с побережья. Она прикрыла глаза, и у нее слегка закружилась голова, словно она опять стояла на верхней палубе парома, отправляясь на свидание со своим прошлым... «Никто и не сомневался, что это был он. Он в гостинице, он в могиле, он на моих снимках. Но что, что случилось?!»

Ольга курила, стоя чуть поодаль, и весьма эмоционально разговаривала по-гречески по мобильному телефону. У Тани создалось впечатление, будто она с кем-то спорит или даже ругается, что тут же подтвердилось. Женщина зло закончила разговор какой-то язвительной фразой и резко захлопнула мобильник:

– Мой муж, не может уложить без меня ребенка! На что только не идут люди, чтобы испортить тебе настроение! Мы с ним договорились, что я переночую с вами в гостинице, чтобы быть под рукой, а теперь мне придется ехать домой! Я уверена, что Зойка в конце концов заснула бы, это все выдумки... Просто он хочет иметь меня под боком. Ревнует! Он старше меня на двадцать пять лет, и это просто караул, какие фантазии ему приходят в голову! Как будто в Мармари есть с кем изменять! Что я – враг себе? Это же деревня, все на виду!

Таня отделалась неловкой улыбкой – ей казалось излишним знать такие подробности о жизни своей новой знакомой, тем более что продолжать это знакомство дольше завтраш-

него дня она не собиралась. Ольга докурила сигарету, швырнула прочь окурок и оглянулась на двери участка:

– Так, Димитрий явно засел смотреть футбол, сегодня играет «Олимпиакос», как я забыла? Мой тоже засел, конечно, ему некогда возиться с Зойкой. Сейчас все улицы вымрут, вот увидите!

– А как мы вернемся в отель? – забеспокоилась Таня. – Здесь можно взять такси?

– В принципе да, – не слишком оптимистично заметила та. – Но таксисты тоже люди и тоже хотят смотреть футбол. Да вы не переживайте, я сама вас отвезу. Возьму машину у Косты, он все равно дежурит сутки, а завтра его кто-нибудь подбросит до Мармари. Мы с ним соседи.

Она переговорила с молодым патрульным, который без разговоров отдал ей ключи от машины, а сам, распираемый спортивным возбуждением, отправился в участок, присоединяясь к своим коллегам. Ольга подбросила ключи на ладони и лукаво взглянула на свою спутницу:

– Давайте посидим где-нибудь в кафе, выпьем по рюмочке? Я вас угощу по случаю знакомства и дня рождения... И мне кажется, нам можно перейти на «ты», а то общаемся как-то слишком официально! Ты не против?

– Конечно нет. – Таня взглянула на часы. Время близилось к полуночи. У нее появилось ощущение невесомости – таким странным казался этот незнакомый приморский город, в сердце которого она вдруг оказалась, неоновые гре-

ческие вывески на магазинах, все еще открытых, несмотря на поздний час, голоса прохожих, звучащие так буднично, по-домашнему, притом что она ни слова из их разговоров не понимала... Даже луну, высоко повисшую в светло-синем небе, Таня, казалось, видела впервые в жизни – такой она была яркой, рельефно вылепленной, ослепительно-белой.

– Только насчет рюмочки, – осторожно добавила она, вспомнив, как лихо и почти в одиночку расправилась ее новая приятельница за обедом с бутылкой вина. – Мне кажется, что дорога была довольно сложная, все-таки горы, обрывы над морем...

– Я проеду ее во сне, не волнуйся! – Ольга сунула ключи в карман короткой кожаной куртки, придававшей ей подростковый вид, и деловито огляделась: – Погоди, надо сообразить, где нет телевизора? Сейчас везде будут смотреть футбол... Хотя мы можем сесть снаружи, и тогда все равно. Не замерзнешь на улице? Тогда идем в оузерию к Никасу, угощу тебя местной водкой. В принципе это просто анисовка...

– А вдруг нас остановят?! – в последний раз воззвала к здравому смыслу девушка, устремляясь вслед за Ольгой, быстро зашагавшей в глубь узкого кривого переуллка, тесно заставленного машинами.

– Кто?! Где?! – со смехом обернулась та и поманила Таню за собой. – Расслабься, ты не в своей Москве, ты в Греции, причем в деревне! Здесь никогда ничего не происходит, особенно не в сезон!

И даже не обращая внимание на явное несоответствие своих слов с реальностью (они все еще находились в двух шагах от полицейского участка), добавила:

– Это рай до грехопадения, здесь в некоторых домах до сих пор не запирают дверей. Жаль, что ты так быстро уезжаешь, – я не успею тебе этого доказать. Можешь просто поверить на слово?

И, не дожидаясь ответа, крепко взяла Таню за руку и потянула за собой, словно боялась, что та вдруг передумает, вырвется и убежит. Девушка была слишком ошеломлена таким напором, чтобы сопротивляться, и, едва поспевая за размашисто шагавшей спутницей, молилась про себя, чтобы на обратном пути та оказалась в состоянии держать руль и они не закончили свой путь где-нибудь под скалистым обрывом. «Тогда я даже не побью Пашин рекорд, – с горькой иронией заметила она. – Судя по всему, он продержался в этом раю по крайней мере двое суток. Или дольше?»

– Не припомнишь, когда похоронили твоего свекра? – спросила Таня, когда они уже усаживались за шаткий деревянный столик под навесом возле выбранного Ольгой кафе. Та удивленно остановилась в дверях, куда направлялась, чтобы позвать хозяина.

– Помню, конечно, мы тут все до мелочей вспоминали в связи с твоим парнем. Утром двадцать шестого августа, четыре года назад.

– А Паша прилетел в Афины утром двадцать третьего ав-

густа, – пробормотала Таня, обращаясь скорее к самой себе, чем к собеседнице. – Двадцать четвертого он позвонил мне второй раз уже из Мармари, Димитрий помог ему набрать номер... Он переночевал потом в отеле?

Ольга отпустила ручку двери, подошла к столику и склонилась над ним. Прядь светлых волос упала ей на глаза, и Таня не могла различить их выражения, но голос молодой женщины звучал сострадательно:

– Переночевал, уехал утром, даже не позавтракал. Матильда была на кухне, так его и не видела. Хотя, – женщина пожала плечами, – если бы и видела, то потом не узнала бы, ведь гостиница битком набита туристами, самый сезон! А через сутки твой Паша уже почему-то оказался в гробу моего свекра, под телом старика, под покрывалом и цветами. Так их и заколотили в церкви, а что гроб слишком тяжелый, никто из носильщиков не жаловался – кому такое в голову придет! Отнесли на катафалк, потом на кладбище, посидели на поминках, и все было кончено. Таня, хочешь совет?

Она не хотела никаких советов, но отказаться тоже не могла – голос ее новой подруги звучал слишком искренне и доверительно.

– Напейся как следует и не думай об этом, или сойдешь с ума! Тем более это было так давно! Ты вправе просто это забыть! Обязана забыть, живым надо жить!

«Это я уже слышала». Ольга вошла в полупустое маленькое кафе, всего на четыре столика. В этот час там были толь-

ко мужчины, облепившие телевизор, по которому шла прямая трансляция матча. Один из них – по всей вероятности, хозяин – грузно выбрался из плетеного кресла, поздоровался с посетительницей, которая, вне всяких сомнений, была ему хорошо знакома. Ольга оживленно жестикулировала, пока тот возился за стойкой, а полный маленький грек то и дело щурился, пытаясь разглядеть за стеклами витрины Таню – речь явно шла о ней. Та отвела глаза: «Трудно „не думать об этом“, если тебя везде предъявляют, как достопримечательность. А забыть... Один раз я думала, что это получилось, но забыла ли я на самом деле? Телефон-то все равно подзаряжала, будто ждала чего-то... И это могло продолжаться вечно, пока не надоело бы мне однажды, пока я не выбросила бы эту устаревшую рухлядь, сказав себе, что она не стоит места, которое занимает в ящике... Труп был спрятан так надежно, что, казалось, должен был найтись только на Страшном суде! Но убийца не был греком и ничего не знал о местных обычаях, это его и подвело. Сколько здесь прожил его приятель? Не так долго. Мог этот Михаил ничего не знать о том, как тут хоронят?»

Она так глубоко задумалась, что не заметила, как вернулась Ольга, как к столику подошел хозяин и, молниеносно постелив чистую бумажную скатерть, пришил ее по углам стола прищепками, поставил перед гостями запотевшие графины с анисовой водкой и ледяной водой, тарелки с закусками. Таня пришла в себя только от оклика своей спут-

ницы, поздравившей ее с днем рождения, и, покорно подняв стопку, подумала, что с этих пор она будет вспоминать о Паше по крайней мере раз в году. В каждый свой день рождения, четырнадцатого октября, за праздничным столом, в кругу друзей, как раз тогда, когда ей полагается выглядеть счастливой и улыбаться.

Глава 3

Ольга не солгала – возвращаясь в Мармари, она уверенно вела потрепанный маленький джип по извилистой дороге, освещенной только садящейся за горы луной, при этом умудрялась курить и жестикулировать при разговоре. Оуза, анисовая греческая водка, окончательно развязала ей язык, и молодая женщина общалась с Таней, как со старой подружкой, от которой у нее не может быть тайн.

– Знаешь, я здорово ошиблась, когда уехала из Питера пять лет назад, – говорила она, так лихо проскакивая крутые виражи, что ее испуганной и совершенно трезвой спутнице казалось, что они вот-вот сорвутся с обрыва в море. – Мне так хотелось что-то поменять в жизни, надоело все дома – и работа, и квартира, и знакомые, и я сама себе надоела... А тут появился симпатичный мужик, буквально сразу предложил замуж, я съездила сюда, взглянула, как он живет... И все было таким другим, таким ярким, что я просто ослепла! Приехала домой, говорю: «Мама, я буду жить в раю!» А на самом деле тут дико скучно, и этот рай уже в зубах навяз... Может, так и должно быть?

Она издала ироничный хмельной смешок.

– Я всегда себя спрашивала – какого дьявола Адаму и Еве понадобилось есть то яблоко, ведь нельзя же было, ясно сказано! Теперь, кажется, понимаю. Они просто загибались со

скуки! Человеку вообще свойственно искать на свою задницу приключений! Вот я – кажется, чего мне не хватает? Мой муж, конечно, не миллионер, так, крепкий середняк, но у нас хороший дом, большой катер, три машины, у него свое дело, с голода не умрем! Дочка у меня замечательная, работать никто не заставляет, море – вот оно, да какое! Ведь рай, правда, Тань?

– Рай, – покорно откликнулась та, молясь, чтобы ее разговорчивая подруга держала дорогу в поле зрения. Таня ощущала себя заложницей – остановить машину и выйти невозможно, другого транспорта на этом шоссе в три часа ночи не найти, да она и не имела привычки искать приключений, как выразилась Ольга. Оставалось покориться судьбе, которая, как известно, часто благоволит к пьяным. «А что мне оставалось делать? – беспомощно спрашивала она себя и тут же со злостью отвечала: – Не соглашалась бы идти с нею в кафе, молчала бы про свой несчастный день рождения, разыграла бы приступ мигрени, и главное – не позволяла бы ей так фамильярничать! И уже была бы в своем номере, спала бы, как младенец! Но откуда же я могла знать, что она так налижится!»

– Вот и ты говоришь, рай, – кивнула ей в ответ Ольга, и голос ее зазвучал уныло, словно все хмельное возбуждение разом улетучилось. – А я в этом раю начала сходить с ума... Встану утром, сделаю мужу и дочке завтрак, приберусь, выйду за покупками... И мне вдруг покажется, что это

все не со мной, а будто я какой-то бесконечный фильм смотрю, про какую-то незнакомую женщину... И переключить канал нельзя, и послать все к черту поздно! Страшно!

Таня не ответила ей – в этот миг из-за темного холма, который они огибали на вираже, показалась цепь огней на берегу моря. Это был Мармари, и девушка быстро помолилась про себя о том, чтобы проехать оставшиеся километры благополучно. Она даже перекрестилась, что делала крайне редко – в ее поле зрения как раз попала большая белая церковь у въезда в городок. Крест, венчающий ее шпиль, был иллюминирован голубым неонам. Эту особенность украшать церкви она уже успела отметить в Каристосе и задумалась над тем, как выглядела бы подобная подсветка в Москве и не сочли бы ее многие кощунством. Ольга снова угадала ход ее мыслей – она вытянула вперед руку с зажатой между пальцами тлеющей сигаретой:

– Во-он тот голубой крест видишь? В этой церкви стоял гроб моего свекра. Там-то в него каким-то образом и подсунули твоего парня, больше было негде! Дома-то я сама с ним возилась, наряжала, уж второго покойника точно бы заметила!

– Да как такое возможно? – пробормотала Таня, не сводя глаз с неоновой креста, казалось, плывущего над темным морем безо всякой опоры. – Неужели никого не было рядом с гробом?

– Значит, улучили момент, – пожала плечами та. – Гроб

простоял всю ночь, родственники там, конечно, присутствовали... Но я ни за что не ручаюсь, сама там не была. Зойка только что родилась, я просто на части разрывалась между нею и этими похоронами. Все как в тумане помню. Но, разумеется, кто-то там был, присматривал!

«Лихо присматривал, если к ним чужого покойника подложили!» – подумала Таня, однако ничего не сказала – их рискованное путешествие уже близилось к концу, машина въехала на пустынные улицы Мармари. Сейчас, за полночь, слабо освещенный фонарями городок очень походил на театральную декорацию, ожидающую появления актеров, и Таня в какой-то степени поняла слова своей спутницы о том, что та часто ощущает себя героиней фильма. «Жить здесь, я думаю, приятно, но мне было бы как-то не по себе!» – Решила девушка, с облегчением следя за тем, как в конце круто забирающего в гору переулка появляется сине-белая неоновая вывеска «Солнце Мармари». Для украшения своих домов и церковей греки явно предпочитали цвета национального флага. Ольга говорила еще что-то, но девушка уже не слушала – как только джип остановился у входа в отель, она открыла дверцу и выпрыгнула из машины.

– Спасибо, что довезла, а теперь я побегу к себе, страшно спать хочу! – выпалила она. – Завтра увидимся, как договорились!

– Ты уже ложишься? – разочарованно протянула Ольга. Свет из приветливо распахнутых дверей отеля падал прямо

ей в лицо, и она щурилась, недовольно отодвигаясь в глубь салона. Ее глаза были мутными и усталыми, в углах рта появились морщинки, которых днем Таня не замечала, — в этот миг ее новая знакомая казалась старше своих тридцати лет. — Может, выпьем по чашечке кофе? Матильда наверняка не спит, она сварит...

— Исключено, уже поздно! — решительно отказалась Таня, отступая к дверям. — Счастливо доехать!

Ольга что-то крикнула ей вслед, но девушка не расслышала — она так стремительно вбежала в холл «Солнца Мармари», словно следом за ней гналась компания пьяных хулиганов. Впрочем, будь это и так, ее тут никто бы не защитил — за стойкой портье было пусто. Никто не вышел ей навстречу, и она от души порадовалась тому, что случайно прихватила с собой ключ от номера. «А паспорт я больше у портье не оставляю, — решила она, быстро поднимаясь по винтовой лестнице. — У них тут ничего не охраняется, надо же! В одном этом холле можно за пять минут украсть всякого-разного как минимум долларов на пятьсот! Хотя что это я? Это же город без воров!»

Улыбаясь своим криминальным мыслям, она отперла номер, попутно отметив детскую ненадежность замка (он выглядел так, словно его можно было открыть с помощью пилки для ногтей). Войдя, везде зажгла свет, включила телевизор, отыскав музыкальный канал, плотнее задернула штору на окне, словно стремясь отгородиться от глухой черной но-

чи, притаившейся за перилами балкона. Ей было не по себе в этом замершем безмолвном здании, и Таня боялась думать о том, что номера слева и справа от нее, наверху и внизу, да и вообще везде – пусты. «Хотя бы портье дежурил в холле, так нет, – с досадой подумала она, стягивая куртку и вешая ее в стенной шкаф. – А если что случится? Если бы тут никогда ничего не случилось, как уверяет Оля, меня бы тут просто сейчас не было!»

Эта мысль ее совсем не ободрила, и она немедленно проверила, заперла ли за собой дверь номера. Трусливый жест ничуть не успокоил Таню, напротив – глухая паника, медленно овладевавшая ею, начинала звучать все явственней, заглушая прочие чувства. Дошло до того, что ей показалось, будто в коридоре слышатся чьи-то осторожные шаги – словно кто-то крадется вдоль запертых дверей и останавливается перед каждой, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Ладони у нее мгновенно стали влажными, она торопливо вытерла их о вельветовые штаны и заставила себя отступить от двери, вернуться в комнату.

«Просто бред, это все из-за могильных тряпок, которые мне показывали в полиции. – Она уселась на постель, прибавила звук в телевизоре, нервно улыбнулась, пытаясь себя подбодрить, но улыбка вышла жалкой и слабой и мгновенно сползла с лица. Ей было по-настоящему жутко. Взгляд упал на телефон. „Надо немедленно позвонить в Москву, поговорить с Ваней! Он скажет пару слов, и мне станет легче!“

Таня сняла трубку и старательно изучила памятку, лежавшую рядом с телефоном. Там был и английский текст, из которого она, однако, не уяснила самого важного – как позвонить в Москву? «Вот растяпа, не знаю даже международного кода России! – Она взглянула на часы. – Почти два. У нас на час меньше или больше? Какая разница, все равно ночь, и Ваня спит. Правда, можно бы и разбудить, завтра все равно выходной, но он будет недоволен...» От этой мысли паника как-то сразу поутихла – она представила себе раздраженный голос мужа, спрашивающий ее, неужели нельзя было позвонить раньше или отложить звонок на завтра, раз не случилось ничего срочного? Именно так он бы и говорил с нею, это она знала по опыту, и она бы даже не обиделась – обижаться она отвыкла. Муж был прав, сто раз прав в таких случаях, а она не права кругом – развинулась, дала волю эмоциям, да еще попыталась вовлечь в свой психоз других... Таня положила трубку. Звонить расхотелось, и шаги в коридоре больше не мерещились. Девушка слабо улыбнулась, вспомнив, что ей однажды сказала мама, узнав о таких сценах между супругами. «Он тебя просто дрессирует! – заявила она. – Выбатывает условные рефлексy – нельзя, можно... Интересно, что мы с отцом пытались делать то же, когда ты была ребенком, но ты кусалась, а вот ему разрешаешь! Сама-то хоть понимаешь, что пляшешь под его дудку?» Тогда Таня обиделась, но позже не раз молчаливо признавала правоту матери. Муж действительно дрессировал ее, а поко-

рялась она ему – именно ему, никому больше – потому, что в Иване была некая спокойная, уверенная сила, которой хотелось подчиняться ради собственного блага. Такую силу безошибочно чувствуют дети и животные, такой силой обладают все хорошие дрессировщики и воспитатели. «Зато я стала куда уравновешенней, чем прежде! – замечала про себя Таня, когда сталкивалась с очередным проявлением твердой мужниной воли. – Смешно вспоминать, на что я была способна, когда жила с Пашкой! Мы с ним друг друга стоили!»

И сейчас, сидя на краю постели рядом с телефонным столиком, она спросила себя – а позвонила бы она среди ночи мужу, будь это не Иван, а Паша? Могла бы она просто сказать, что ей страшно, что этот пустой отель наводит на нее ужас и ей хочется услышать родной голос, пусть хоть несколько слов, любых, пусть ни о чем... «Я позвонила бы ему обязательно! – ответила она себе и, выключив телевизор, стала медленно раздеваться. – Мне даже не пришлось бы ничего объяснять. Мы часто болтали ни о чем. Вот я даже не могу толком вспомнить, о чем мы говорили те два раза, когда он звонил мне из Греции. Что-то просил передать сестре, но это касалось московских дел. Сообщал, что все у него в полном порядке. Мне казалось, он занят и звонит между делом, даже вряд ли расположен говорить со мной. И ничего у него на душе не было, могу поклясться! Ничего он не боялся, не предчувствовал, ничего не скрывал – я бы сразу поняла! То, что случилось, случилось внезапно. Он при-

ехал сюда, почему-то не стал предъявлять документы, переночевал, утром куда-то ушел... А потом – два выстрела, в грудь и в голову, и все было кончено. Кто это сделал? Кто это мог сделать здесь, где он никого еще не знал?! Только этот его афинский приятель, Михаил, больше некому! Но ведь в отель Паша пришел один... Тот приехал следом? Что это – ловушка? Надо было выманить его в место поглуше? Зачем Паша вообще приехал сюда, если не по указанию Михаила?»

Таня так ушла в эти мысли, что забыла не только о своих страхах, но и о накопившейся усталости. За это время она машинально, почти не осознавая своих действий, приняла чуть теплый душ, почистила зубы, высушила волосы с помощью фена, предусмотрительно вмонтированного в стену. Девушка уже надела просторную футболку, заменявшую ей в путешествии пижаму, и собралась было нанести на лицо ночной крем, когда ее рассеянный взгляд упал на стакан, куда она только что поставила свою зубную щетку. Упал, остановился, и Таня уже не могла его отвести, а только спрашивала себя – как это ничего не заметила сразу, как вошла в ванную?

В стакане, кроме зубной щетки и тюбика с пастой, привезенных Таней из Москвы, находился предмет, который она с собой не привозила и которого здесь не было, когда она вечером покинула номер. «Я бы увидела! Я бы запомнила!»

Чуть дыша, она склонилась над раковиной, разглядывая стоявшую в стакане тонкую веточку какого-то неизвестного

ей кустарника, усыпанную крупными, величиной с клубнику алыми ягодами – на вид очень спелыми и сладкими. Они были такими красивыми, что казались ненастоящими – ей пришлось взять веточку в руки, чтобы убедиться в ее естественном происхождении. Таня слегка нахмурилась, разглядывая находку, – ей, как большинству людей, не нравилось то, чего она не понимала, а чего ради здесь появилась эта веточка – она не понимала совершенно. «Горничная оставила? Почему в ванной? Почему в стакане с пастой и щеткой? Что за странный способ украшать номер? Могла бы найти какую-никакую вазочку». В конце концов Таня пришла к выводу, что горничная вовсе не думала декорировать ее комнату с помощью одинокой веточки кустарника, пусть даже такого красивого, а попросту забыла ее здесь во время уборки, хотя и воткнула на самом видном месте. «Интересно, эти ягодки съедобные? Наверное, варенье из них смотрится потрясающе! Спрошу завтра Олю, можно ли их купить и как они переносят перевозку».

Эти простые, хозяйственные мысли окончательно успокоили ее, и она улеглась в постель, продолжая думать о делах, оставленных в Москве, о своей новой работе, мнения о которой даже не успела составить – так недавно и скоропалительно туда устроилась. Посодействовал муж – жена его сослуживца только что ушла в декрет, и ее должность освободилась. На это место стремительно приняли Таню, и она опомниться не успела, как стала менеджером в большом ме-

бельном салоне во Всероссийском выставочном центре. «А чего тебе еще надо? – спрашивал Иван, когда жена пыталась высказать ему свои робкие опасения, что, собственно, не готова к такой работе. – Ты по образованию – дизайнер интерьеров, так что мебель тоже по твоей части. А что бы ты хотела продавать? Чайники? Портьеры? Мягкие игрушки?» Таня отвечала, что вообще не хотела бы что-то продавать и не ради этой карьеры стремилась стать дизайнером. Она думала о творческой работе... На что муж вполне резонно ей ответил, что и творческие работники заняты тем же самым – банальной торговлей. «Потому что, родная, если они не умеют продавать свой труд, то очень легко могут сдохнуть с голода!» Таня больше не возражала – иначе муж наверняка назвал бы ее идеалисткой, а это в его устах было серьезным обвинением.

«Только какая же я идеалистка, если у меня нет никаких идеалов и поступаю я всегда так, как велит здравый смысл? – спросила она себя, погасив свет и опустив отяжелевшую голову на подушку. – Другой вопрос, хочу ли я этого, счастлива ли...» Но этот вопрос она предпочитала не задавать – ни другим, ни самой себе. Ответить «да» она не могла, ответить «нет» – боялась, ведь тогда это значило бы, что вся ее жизнь идет неправильно и ее требуется изменить. Но что нужно менять – работу, окружение, саму себя, – это был и вовсе неразрешимый, пугающий вопрос. Такие мысли чаще всего приходили к ней в тишине и темноте, перед тем, как

Таня засыпала, и додумывала она их уже во сне. Вероятно, потому у нее часто было такое грустное, серьезное лицо, когда она спала. Муж удивлялся: «Тебе как будто всегда снится что-то очень печальное! Ты помнишь что?» Она отвечала, что не помнит, и думала о том, что Паша никогда ей этого не говорил – напротив, уверял, что во сне она всегда улыбается. Но Ивану это было совершенно незачем знать.

* * *

Она проснулась рано, со странным ощущением, от которого давно отвыкла, – на ее губах подрагивала улыбка. Это было так странно и приятно, что Таня некоторое время не решалась открыть глаза и лежала, прислушиваясь к своим ощущениям. Да, это было новое и вместе с тем хорошо забытое старое – когда-то она просыпалась вот так же, беззаботно и доверчиво улыбаясь миру. «Мне снилось, наверное, что-то очень хорошее, – решила она, приоткрыв глаза и сонно оглядывая свой номер, слабо освещенный тонким лучом света, пробившимся в щель между задернутыми шторами. – А что? Не помню. Почему я никогда не запоминаю снов?» Она выбралась из постели, раздвинула шторы и, как была, в майке, вышла на балкон.

Утро было лучезарным – таким бывает только утро бабьего лета на юге, на берегу медленно остывающего моря. Отсюда, с балкона отеля, выстроенного на склоне холма, Таня

видела сбегаящий к побережью маленький городок как на ладони – от края до края. Он весь был залит теплым оранжевым светом, и тем глубже казалась бирюзовая гладь тихого моря, густо усыпанного островами. Таня различила на другом конце городка пристань, а возле нее большой белый паром с желтой полосой на боку. В прозрачном воздухе четко читалось его название – «Звезда Эвии». Это на нем она приплыла сюда вчера. Таня с улыбкой кивнула ему, как старому приятелю. Такой же улыбкой она приветствовала пение петухов, раздавшееся вдруг из-за холмов, поросших лиловым вереском, – недалеко была большая деревня. «Я тут и суток не пробыла, а все кажется таким знакомым! – Она вернулась в номер, умылась и быстро оделась. – Вот бы приехать сюда в сезон, когда можно купаться, и прожить тут недели две, нет, три! Только чтобы ничего не опознавать, ни над чем не ломать голову, не думать об этой дикой истории с двумя трупами в одном гробу! Ну вот, я снова об этом!» Она расстроено взглянула в зеркало и яростно расчесала щеткой спутавшиеся за ночь волосы. Веточку с красными ягодами, так и стоявшую со вчерашнего вечера в стакане с зубной щеткой, Таня после недолгих раздумий пристроила в петлицу своей куртки – ягоды так и горели на фоне коричневой замши. Взглянув на часы, она решила, что в девять утра вполне может рассчитывать на чашку кофе, а мысль, что она позавтракает одна, без Ольги, окончательно подняла ей настроение. «Может, она и замечательный, душевный человек, но,

на мой взгляд, могла бы и не выворачиваться наизнанку. И потом, она слишком много пьет!»

Утренний пустой отель больше ее не пугал. Напротив, в нем было что-то веселое, забавное, как в опустевшей на время каникул школе. Спускаясь по лестнице, Таня с трудом удержалась, чтобы не крикнуть, разбудив в коридорах эхо. Внизу, у стойки портье, ее ждала Матильда. Увидев гостью, она широко ей улыбнулась и крепко пожала руку. Ее загорелые пальцы были сильными, чуть грубоватыми и вместе с тем на удивление приятными на ощупь. Эта рука излучала уверенность и дружелюбие.

– Как вы спали? – по-английски поинтересовалась хозяйка. – Хорошо отдохнули?

– Отлично, – искренне ответила Таня. – Здесь удивительно тихо!

Матильда улыбнулась, сузив свои искрящиеся кошачьи глаза – она и была в этот миг очень похожа на кошку, которую почесали за ушком:

– Это на самом деле деревня, особенно, когда кончается сезон. Я сама долго не могла привыкнуть к этой тишине. Я ведь из Милана! Когда Димитрий увез меня сюда, то первые месяцы боялся отпускать домой в гости, боялся, что не вернусь. После большого города трудно привыкнуть... Хотите позавтракать сейчас или подождете Олю?

Таня резко замотала головой. Вышло невежливо, но выразительно – Матильда лукаво улыбнулась, словно отлично

поняла чувства своей гостью.

Завтракала Таня в одиночестве, для нее уже был накрыт небольшой шведский стол. Кукурузные хлопья, йогурт, молоко, сыр и фрукты – все это было заботливо расставлено вокруг большого кофейного термоса и прикрыто крахмальными белыми салфетками. Девушка взяла тарелку и присела у самой балконной двери, чтобы видеть море. «Звезда Эвии» уже ушла, солнце поднималось все выше, заливая узкие улицы Мармари, круто взбирающиеся в гору. Городок менял цвет, становясь из песочно-оранжевого просто белым, каким и должен быть настоящий приморский городок, думала Таня. Она замечталась, сама не зная толком о чем, и вздрогнула, когда рядом раздался голос Матильды. Хозяйка желала знать, не добавить ли чего к завтраку?

– О, что вы, что вы! – почти испугалась Таня. – Все было чудесно!

– Когда у нас сезон, то вы понимаете, меню более разнообразное, – Матильда как будто оправдывалась. Было видно, что кухня – это нечто священное для этой женщины, и ее легче всего обрадовать или уязвить, именно коснувшись этой темы. – Но когда никого нет, трудно поддерживать ассортимент... Мы ведь все продукты покупаем оптом, понимаете?

– Не беспокойтесь, пожалуйста! – Таня начинала чувствовать себя неловко от этой пристальной заботы. Пожалуй, еще никто никогда так не переживал по поводу ее меню. – Я и

так буду вспоминать, как меня тут кормили!

Комплимент был найден удачно – Матильда расцвела и разом помолодела, словно скинув лет двадцать. Глядя на нее, Таня задала себе вопрос, насколько хороша была эта все еще красивая женщина в ранней молодости, и тут же ответила без колебаний: «Ослепительно хороша! Даже красивее Роми Шнайдер, на которую она так похожа! Понятно, почему муж боялся отпускать ее домой после свадьбы! Запереть такую красоту в городке с тремя тысячами населения... Интересно, у них есть дети? Наверное, уже взрослые».

Хозяйка остановилась на пороге раскрытого балкона, глядя вдаль, в сторону моря. Всегда оживленная, она на минуту притихла, на ее лице появилось расслабленное, мечтательное выражение, руки безвольно свесились вдоль бедер, глаза полуприкрылись. Казалось, она задремала наяву, усыпленная утренней деревенской тишиной.

– Скоро мы запрем отель и уедем до Рождества в Италию, – тихо проговорила Матильда, ни к кому особенно не обращаясь, тоже как будто во сне. – Сыновья учатся там, вместе проведем каникулы. Может быть, уговорю Димитрия остаться в Милане до конца февраля... Там – жизнь. А здесь...

Матильда слегка повела плечом, не сводя сонного взгляда с безмятежной морской глади. Ее профиль четко рисовался в мягком утреннем свете, напоминая Тане лица ангелов с картин эпохи Возрождения – во время учебы в художественном

училище этот период был ее любимым.

– Видите, в море вышли лодки? – Матильда чуть приподняла золотистые загнутые ресницы, в которых, казалось, дрожали пылинки солнца. – Это рыбаки проверяют сети. Больше здесь делать нечего! Мармари – настоящий рыбацкий поселок, и, если ты сам не рыбак, здесь хорошо просто стариться понемногу, доживать свой век... Но жить здесь очень скучно! – Она тряхнула головой, словно отгоняя дрему, и уже бодрее поинтересовалась: – Чем вы сегодня займетесь?

– Даже не знаю. – Таня поставила на стол опустевшую чашку и взглянула на часы. – А что вы посоветуете?

– Съездить на острова, – мгновенно заявила та. Видимо, такое развлечение предлагали здесь гостям первым делом. – Тут рядом много частных островов, владельцев сейчас там, конечно, нет, но сторожа остались. Димитрий со всеми знаком, вы сможете там погулять. Хотите, я скажу ему? Тогда после обеда он отвезет вас на своем катере...

– А что-нибудь еще здесь можно посмотреть? – виновато улыbnулась девушка. – Острова... Это прекрасно, но туда ведь надо ехать по воде, а я боюсь воды! Страшно!

Матильда изумленно и недоверчиво взглянула на нее:

– Да это совершенно безопасно! Если хотите, наденьте спасательный жилет!

– Дело не в жилете, а в том, что я ничего не смогу оценить, просто от страха, – возразила Таня. – Я не так давно тонула

в реке, и с тех пор один вид воды...

— Понимаю, — кивнула хозяйка, и взгляд ее стал серьезным и сострадательным. — А я-то хотела предложить вам ближе к вечеру выкупаться в нашем бассейне! Море уже остыло, там купаются только немцы, а вот бассейн нагревается под солнцем... И вода там морская, каждый день свежая, мы не используем хлор... Ну что ж, тогда можно поехать в горы. Там есть потрясающие места, примерно в часе езды отсюда. Димитрий вас отвезет, а если хотите, я могу и сама...

— Да, лучше в горы! — обрадовалась Таня. — Я возьму фотоаппарат, снимаю... Только хорошо бы вернуться не поздно, завтра утром я должна быть в аэропорту.

Хозяйка гостиницы изумилась и расстроилась — судя по всему, совершенно искренне, хотя бесплатная гостья, разумеется, доставляла только лишние хлопоты.

— Завтра? Как жаль! А у нас как раз установилась такая замечательная погода!

— Я думала, тут всегда замечательная погода? — удивилась Таня.

— Нет, всю первую половину октября шли дожди, был даже ураган и небольшое землетрясение... Но это как раз в горах, часах в двух езды отсюда... Там, откуда эти ягоды, — Матильда указала на лацкан Таниной куртки. — Это вам вчера кто-то в Каристосе подарил?

Та оттянула лацкан и взглянула на веточку, о которой уже успела позабыть. Это было сделано вовремя — одна из ягод,

самая спелая, как видно, была неловко задета Таней во время завтрака, и треснув, дала сок, испачкавший замшу. Девушка торопливо отколола свою импровизированную брошку и с улыбкой положила ее на клеенку:

– Нет, это было у меня в номере, в ванной. Наверное, горничная вчера оставила.

– Горничная? – Матильда выговорила это слово медленно, словно не была уверена, что правильно поняла гостью. – Нет, вчера к вам никто не заходил.

– Никто? – все еще улыбаясь, повторила девушка. – Но кто-то все-таки был, наверное, постель стелили... Это было, как раз когда мы с Олей и вашим мужем ездили в Каристос. До этого ягод в ванной не было.

Матильда продолжала покачивать головой, и на ее приветливом открытом лице появилось странное выражение – ей как будто было неприятно продолжать спор, настолько она была уверена в своей правоте. Твердо, но мягко, словно боясь обидеть Таню, она повторила:

– Не было никакой горничной вчера вечером. Горничные все в отпуске, сейчас они не нужны. Я сама постелила постель и приготовила ваш номер вчера утром. И больше туда не входила.

– Как так? Вы уверены? – Таня сама понимала, что это звучит глупо, но все еще делала попытку улыбнуться: – Но может, туда входил кто-то другой?

– Никто и не мог войти, пока вы были в Каристосе! – ре-

шительно заявила хозяйка гостиницы, тоже не собиравшаяся сдавать свои позиции. Матильда явно недоумевала, почему ее собеседница так упорствует в своем заблуждении. – Вы увезли ключ от номера, я обратила внимание вчера вечером!

– А разве нет дубликата?

– Есть, – согласилась та, – но все они заперты в моем кабинете... Вчера я туда даже не входила. Вы просто забыли, наверное, как привезли веточку! Вы ведь очень поздно вернулись.

Таня слегка покраснела – она поняла, на что намекает хозяйка. Вкус выпитой вчера анисовой водки до сих пор преследовал ее, и она с досадой подумала, что продолжать спор будет очень трудно – все можно списать на вчерашний поход в ресторанчик... «Но я же не сошла с ума и не так много выпила, чтобы забыть такое! – Она опустила глаза, избегая пристального взгляда Матильды, и сделала вид, будто отыскивает что-то в сумке. – В моем номере кто-то был, и может, она сама, только почему-то не хочет в этом признаваться! Ну и пусть, она же ничего не взяла, деньги и документы у меня были с собой». Это было самое простое, лежащее на поверхности объяснение возникшего недоразумения, но оно все же не устраивало Таню, хотя она и старалась его принять. Хозяйка гостиницы была слишком ей симпатична, чтобы с легкостью допустить, будто та способна на такую мелкую, упорную и бессмысленную ложь. Тем более что Матильда и сама была смущена и, казалось, искала другого ответа на вопрос.

– Я пойду, проверю ключи у себя в кабинете, – сказала она, чуть сдвинув золотистые тонкие брови. Ее искрящиеся глаза приобрели серьезное, даже хмурое выражение. – Но я уверена, никто не мог к вам войти...

Она хотела сказать еще что-то, но тут в столовую ворвалась Ольга. Увидев Таню, она бросилась к ней с хриплым радостным восклицанием. Ее миловидное лицо слегка припухло, глаза сонно смотрели из-под покрасневших век, светлые волосы растрепались – впечатление было такое, словно она спала эту ночь не раздеваясь. Матильда сказала ей что-то по-гречески, Ольга в ответ мотнула головой и бросилась к кофейнику.

– Ты сказала, что проспишь до одиннадцати, звоню-звоню тебе в номер, а тебя нет! – Налив себе кофе, она присела за стол к Тане. – Я испугалась, что ты уже куда-то уехала без меня! Помнишь, куда мы собирались?

– Помню, на острова. – Таня слегка отодвинулась вместе со стулом, чтобы дым от Ольгиной сигареты не попадал ей прямо в глаза. – Но планы изменились. Матильда говорит, можно поехать в горы.

– Горы! С какой стати?! – воскликнула Ольга и, повернувшись к хозяйке отеля, быстро и очень эмоционально заговорила по-гречески. Та ответила коротко, слегка пожала плечами и вышла из столовой, послав Тане на прощанье сдержанную, какую-то казенную улыбку. Та слегка вздохнула:

– Кажется, я ее расстроила. Мне бы промолчать, а я...

– Да, она как в воду опущенная, – согласилась Ольга, выскакивая из-за стола и наливая себе вторую чашку кофе. – А что ты ей сказала? Надеюсь, не критиковала отель? Она этого не переносит, всю жизнь сюда вложила и, кажется, все свои деньги тоже...

– Да мы просто не поняли друг друга. – Таня взяла в руки веточку и задумчиво повертела ее между пальцев. – Наверное, я подзабыла английский и что-то не так высказала... Такое впечатление, что мы говорили на разных языках.

– И очень просто, тем более что Матильда говорит по-английски как Бог на душу положит, – легко согласилась переводчица. – Быстро, много и, на мой взгляд, уж очень лирически... А откуда у тебя кумари?

– Это? – Таня протянула ей веточку. – Это называется кумари?

– Да. – Ольга протянула руку, отщипнула ягоду и кинула ее в рот. – Уже поспело! Ну да, ведь октябрь в середине... Вот время летит! Откуда ты его взяла? Он растет выше, в горах. Такие большие, в человеческий рост кусты, и все усыпаны ягодами... Это надо видеть! Я как-то была с мужем в Стире, набрала там целый багажник, жадность одолела... Потом половину выбросила, а из остального сделала желе... Неплохо получилось!

– Я взяла это в стакане на умывальнике, у себя в номере. – Таня тоже оторвала ягоду и осторожно надкусила ее. Вкус был пресно-сладковатый, и он ей понравился. – А как он туда

попал, не знаю, и Матильда тоже. Это случилось вчера, когда мы с тобой были в полиции. Она клянется, что никто ко мне в номер не входил.

— Если Матильда клянется, надо верить. — Ольга задумчиво постучала ложечкой о край чашки и посмотрела на веточку так, словно увидела ее впервые. — А больше у тебя ничего не прибавилось? Может, что-то пропало?

— Да ничего, на первый взгляд. — Таня тоже посерьезнела. Только сейчас до нее стал доходить смысл происходящего. Кто-то был у нее в номере без ее ведома и без ведома хозяйки гостиницы, которая так этим встревожена, что отправилась проверять запасные ключи... Это не могла быть прислуга, потому что прислуга распушена на зимние каникулы. Это не могла быть сама хозяйка, потому что ей незачем лгать. Это был кто-то посторонний... И настолько неосторожный или наглый, что не побоялся оставить такой яркий след — а ведь иначе Таня и понятия бы не имела об этом визите...

— Мне это не нравится, — бессознательно она произнесла это вслух, и Ольга полностью ее поддержала:

— А что тут может нравиться? Знаешь, я вчера свалила дурака, когда оставила тебя тут ночевать! Расслабилась, забыла, по какому делу ты приехала! У нас хоть и деревня, но убили-то твоего парня здесь, не где-нибудь в Афинах, в албанском квартале! Надо было забрать тебя к нам домой!

Таню передернуло, хотя она и старалась сохранять бодрый вид. Слегка запинаясь, она храбро заявила, что Ольга пре-

увеличивает – ведь ничего страшного не случилось, у нее ничего не пропало, она сама цела и невредима. Это просто какое-то глупое недоразумение.

– И потом, кому я нужна? – с наигранной усмешкой заявила она, ежась под недоверчивым взглядом своей новой приятельницы. – Если бы ко мне вломились до того, как я поехала в полицию давать показания и опознавать вещи... Ну, тогда бы имело смысл меня убить... Может быть. Но после-то зачем? И зачем вообще мне что-то дарить? Еще бы цветы в стаканчик поставили!

– Да, только цветов тут и не хватает, – иронически заметила Ольга, выслушав ее до конца и сохраняя скептический вид. – Тогда можно было подумать, что тебя духи навестили! Сувенир с того света принесли! Как-то же он в номер попал, этот тип с ягодками! Пойдем, посмотрим как следует, может, найдем еще что-нибудь?

Таня собралась уже отклонить это предложение – ей совсем не хотелось возвращаться в номер, оказавшийся столь ненадежным, – когда в столовую быстро вошла Матильда. Взглянув в ее бледное, решительное лицо, девушка сразу поняла – что-то случилось.

– Я должна извиниться перед вами, – заявила Матильда, остановившись рядом с Таней, и той показалось – невероятно! – что эта уверенная, сильная, лучезарная женщина слегка дрожит. – Вы были правы! Ключа от вашего номера нет, все остальные на месте. Я не знаю, как это случилось! Это

впервые в истории нашего отеля...

Ее голос звучал глухо, будто придушенно, было видно, что женщина с трудом держит себя в руках и близка к настоящей истерике. Ольга вскочила и быстро заговорила с ней по-гречески. Матильда слушала ее, прижав ладонь к виску – было похоже, что у нее внезапно разболелась голова. Таня беспомощно переводила взгляд с одной женщины на другую. Ей очень хотелось утешить хозяйку гостиницы, но еще больше она желала оказаться как можно дальше от этого пустого молчаливого здания, где, как выяснилось, она вовсе не была в безопасности...

Наконец Ольга повернулась к ней:

– Решено, поживешь у меня! Пойдем, заберем твои вещи, заодно осмотрим номер как следует! Ты будешь заявлять в полицию?

– Об этом? – Таня указала на веточку с ягодами, сиротливо лежавшую на столе среди кофейных чашек. – Глупо. Это же не уголовщина, а так, что-то непонятное...

– Да ведь ключ-то в самом деле украли!

– Вот пусть Матильда и заявляет, если хочет, это ее обокрали, а не меня! – твердо ответила Таня. Она уже успела составить мнение о том, как вести себя в создавшейся ситуации. Решение было простым – как можно скорее покинуть этот городок, как можно меньше оставаться одной, и главное – не поддаваться панике, в которую так легко впадали Ольга и Матильда. «Если бы тут был Ваня, он бы живо все расста-

вил по местам! – с сожалением подумала она. – Почему я так не умею? Ну что мне в этой веточке, в этом ключе, какое мне вообще дело до того, что тут происходит, если я завтра на рассвете отсюда уеду? А переночевать в самом деле лучше у Оли, хотя она наверняка будет доставать меня своими пьяными исповедями...»

– Давайте забудем о том, что случилось, – бодро предложила она по-английски, обращаясь в основном к Матильде. – Это такие пустяки! Мы с мужем когда-нибудь обязательно приедем к вам в отель, я просто не представляю себе лучшего места для отдыха! Вы оставите мне телефон, чтобы я могла забронировать номер заранее?

На лице Матильды появилась бледная тень прежней жизнерадостной улыбки. Она кивнула, будто благодарила свою гостью за моральную поддержку, но вид у нее был по-прежнему встревоженный. Ольга недоверчиво сощурилась:

– И ты не побоишься сюда возвращаться? Я бы не смогла.

– Из-за веточки?!

– Из-за твоего прежнего парня, – отрезала та. – Неужели не видишь – кто-то здесь тобой интересуется и, уж конечно, не только потому, что ты явилась не в сезон! Хорошо, что завтра уезжаешь, у меня хоть сердце будет спокойно! Ну, а пока предлагаю в самом деле выехать на весь день в горы, подальше отсюда! Я как раз на внедорожнике, он везде пройдет!

Ольга сняла со спинки стула свою кожаную куртку и тро-

нула Таню за плечо:

– Ну, расслаживаться нечего! Поехали в Стиру, часа за два доберемся, там и пообедаем! Там этого кумари сколько угодно, наберем, а вечером у меня дома сделаем варенье-пятиминутку! Удивишь своих в Москве!

И Таня подчинилась ее напору, прежде всего потому, что не могла больше выносить похоронного вида Матильды. Они втроем поднялись в номер, Таня еще раз подтвердила, что все ее вещи в полной сохранности, отдала хозяйке гостиницы ключ, взяла у нее визитку, поблагодарила за теплый прием, обещала приехать вместе с мужем, передала привет Дмитрию... Ольга так ее торопила, что все это заняло не больше получаса, и только оказавшись в машине и махнув на прощанье Матильде, вышедшей на порог отеля, Таня встрепенулась:

– Погоди, я хотела подарить Матильде сувенир!

– После подаришь, я передам. – Та уже выруливала в переулок, ведущий прочь от отеля, в сторону моря. – А что это?

– Водка. – Таня повернулась, провожая взглядом исчезающее из поля зрения «Солнце Мармари». – Я в последний момент подумала, что надо что-то взять с собой, на всякий случай. Паша тоже брал водку, две бутылки... А у меня как раз было куплено ко дню рождения.

– Водку я им передам, они обрадуются, – пообещала Ольга. Теперь машина ехала вдоль побережья, все больше удаляясь от Мармари. Справа сверкало бирюзовое полуденное

море, слева тянулись пологие рыжие холмы, густо поросшие лиловым вереском. На склонах то и дело мелькали обособленные белые виллы, на вершинах холмистой гряды согласно вращались лопасти ветряных мельниц. Таня опустила стекло со своей стороны и подставила лицо порывам свежего морского ветра. Их отъезд из Мармари больше всего напоминал бегство... И от этого ей было немного не по себе, словно она напрасно обидела милый городок, где все были к ней так доброжелательны. «Я обязательно вернусь туда, – пообещала она то ли самой себе, то ли этому морю, то ли ветрякам на окрестных холмах. – И все будет по-другому!»

– А кстати, о сувенирах! – прервала ее идиллические размышления Ольга. – Что-то я не заметила двух бутылок водки в вещах твоего парня! Я понимаю, это предмет расходующийся, но интересно, кто его израсходовал? Наши парни в полиции, Димитрий или кто-то в Афинах? Ведь не мог твой Паша их просто выпить за сутки?!

– Он водку в рот не брал, – сразу помрачнев, отрезала Таня. – А бутылки вез в подарок своему приятелю, этому самому Михаилу, так что они точно остались в Афинах. Скажи, есть вероятность, что его найдут?

– Михаила? – Ольга скептически качнула головой и потянулась за сигаретами, лежащими под ветровым стеклом. Ее неказистый армейский джип резко свернул с шоссе, идущего вдоль моря, и стал взбираться на холм по более узкой дороге, покрытой потрескавшимся асфальтом. Сразу стало

потряхивать, и Таня наконец пристегнулась. – Ты сама-то в это веришь? В Греции живет куча русских, некоторые из них отзываются на имя Михаил, но я тебя уверяю – ни один не признается, что угробил твоего парня, прости меня за откровенность! Кого и в чем можно обвинить на основании кучки тряпок и костей, которые ты даже толком не опознала? Забудь и попытайся расслабиться! Мы едем в Стиру!

И Ольга, гневно сжав губы, ударила по клаксону, торопя овечье стадо, лениво переходящее дорогу метрах в двадцати от джипа. Маленькая черная собачка, караулившая овец, залилась в ответ сердитым громким лаем, и стадо, суетливо бренча колокольчиками, принялось спускаться к морю. «Интересно, который раз по счету мне советуют все забыть? – подумала Таня, расстегивая куртку. Становилось по-настоящему жарко. – Наверное, мне станет легче, когда я буду знать все о том, что здесь случилось. Я должна знать, ЧТО ИМЕННО надо забыть, а просто вычеркнуть из памяти имя, лицо, звук его голоса – этого, наверное, не смогу сделать никогда».

Глава 4

Вот уже час они ехали по холмистой рыжей равнине, выжженной за лето солнцем, и Тане казалось, что она попала в другой мир – не в тот, что предназначен для туристов, а в обыденный, домашний, закулисный. Мармари даже после окончания сезона выглядел нарядным, ожидающим гостей, а эта равнина, казалось, ничего о туристах не знала. Дорога шла через крохотные белые деревеньки, живущие своей неторопливой, простой жизнью, изредка попадалась заправка, проезжал навстречу грузовик, пересекало дорогу очередное стадо – и все это повторялось с невозмутимым однообразием, которое начинало понемногу усыплять. День установился по-летнему жаркий – Таня давно уже сняла куртку, бросила ее на заднее сиденье и теперь жалела о том, что оставила дома солнечные очки. Ольга тоже разделась и вела машину в одной легкой майке, лихо управляясь с рулем одной рукой – другой она жестикулировала и держала сигарету. На правом предплечье у нее оказалась броская татуировка – черный дракон с разинутой огненной пастью. Тане подумалось, что такие сюжеты любят, скорее, крутые парни на мотоциклах, а Ольга, поймав ее взгляд на своем плече, рассмеялась:

– Нравится или шокирует? Когда-то мне это казалось чудом красоты, а теперь, пожалуй, избавилась бы... Но это

невозможно.

– Зачем же, очень тонко сделано, – возразила Таня, разглядывая татуировку. – А что это означает?

– Это означает, что десять лет назад я была набитой душой и любила такого же тупоголового парня, – с усмешкой проговорила Ольга, сбрасывая пепел с сигареты себе под ноги, на пол салона. – Он увлекался тату, весь был разрисован под хохлому, ну и я к нему присоединилась... Честно говоря, когда согласилась на это, была пьяна. Думала, выражу ему так свою любовь, сделаю тату, как у него, там же, где у него... Самое смешное, что вскоре после этого я его бросила. Любила, как кошка, в рот заглядывала и вдруг просыпаюсь как-то утром и понимаю, что видеть его похмельную рожу не могу! Просто возьму топор и зарублю – вот до чего! У тебя такое бывало?

– Нет, Бог миловал, – поежилась девушка. – У меня обходилось без сильных страстей. Я вообще не любительница экстрима!

– Завидую, – заметила Ольга, бросив на нее оценивающий взгляд. – Тогда ты смогла бы здесь жить. Греки тоже не любят лишних движений. Особенно это здесь заметно в кафе – быстро обслуживать считается неприличным, дескать, клиент может подумать, что от него стараются избавиться. И чем дороже ресторан, тем дольше ты прождешь свой греческий салат!

Последние слова она выговорила почти с ненавистью. Та-

ня не ответила ей, но задала себе вопрос – стоит ли жить в такой прекрасной стране только для того, чтобы скучать по дому? «И при этом Оля ни разу не сказала, что собирается вернуться в Питер! Потому, что она туда не собирается. Ей, как видно, куда приятней жить здесь и ругать Грецию всем, кто согласится ее слушать!» Таня с удовольствием избавилась бы от своей спутницы, если бы могла как-то обойтись без ее помощи, но такой возможности она просто не видела. Провести еще одну ночь в отеле она не решилась бы, а ночевать в зале ожидания в афинском аэропорту ей вовсе не хотелось. К счастью, Ольга не стала продолжать свою обличительную речь, а сообщила, что близится первая остановка на их пути.

– Надеюсь, ты не плотно позавтракала? Тут шикарно кормят, это лучшее заведение в муниципалитете. Только не говори Матильде, если еще ее увидишь! Это ее добьет!

С этими словами Ольга лихо, с размаху проскочила по узким улицам маленького города, неожиданно возникшего из-за поворота дороги, и остановила джип на крохотной площади, явно являвшейся центром здешней жизни. Среди домов, тесно ее окружавших, был банк, отделение полиции, миниатюрная гостиница и большое кафе, располагавшееся чуть выше прочих домов, на террасе. Туда-то Ольга и повлекла свою упиравшуюся спутницу, которая твердила, что еще не успела проголодаться.

– Для здешней кухни в желудке всегда место найдется! –

категорично заявил ее напористый экскурсовод. – Это же местная достопримечательность, в сезон сюда не попасть, надо заказывать столик за неделю! Быть на юге Эвии и не победать «У мурии» – это нонсенс!

– У кого пообедать? – Сдавшись, Таня поднялась вслед за ней на террасу, где среди пышно цветущих, несмотря на октябрь, кустарников возвышалось одно-единственное дерево... Но зато какое! Ничего подобного Таня не видела даже в телевизоре или на картинках. Прямое, высокое, на вид очень старое, оно красивым веером выпускало в небо длинные ветви, щедро опушенные крупными резными листьями. Все ветви были одинаковой длины и казались аккуратно подстриженными, хотя кто бы стал этим заниматься на высоте пять метров от земли? Приходилось допустить, что эта симметрия была естественного происхождения, тем более что Таня вспомнила – такие деревья, только куда меньше, уже попадались им по дороге. «Подарок садоводу, и стричь не надо! – подумала она, разглядывая дерево. – Интересно, вырастет у нас в Подмосковье такое?»

– «У мурии» – значит у этого дерева, на которое ты смотришь! – Ольга сладко потянулась, расправляя затекшие за рулем руки, и дракон на ее плече зашевелился, казалось, еще шире раскрывая алую пасть. – Такой старой, как эта, я на Эвии не встречала! Ей лет двести, я думаю!

– Мурия? Так оно называется? – Таня провела ладонью по теплой шершавой коре. – Как-то не по-гречески звучит.

Скорее, по-испански.

– Очень даже по-гречески, – возразила Ольга, – и ты это слово произноси осторожнее. Дерево-то вообще называется «мурьос», это я для тебя упростила произношение, а собственно «мурия» – значит «морда». Тебя могут неправильно понять. Ну идем, с меня хватит и ботаники, и лингвистики!

Кафе было полным-полно, несмотря на то что туристический сезон окончился, и Ольга только после переговоров с самим хозяином заполучила столик в самом углу, у огромного очага, выложенного диким камнем. Хозяин кафе – атлетического вида блондин с яркими зелеными глазами, вполне сошел бы за героя древнегреческого мифа и, казалось, не должен был бы интересоваться такими низменными вещами, как меню и карта вин... Однако, уверяла Ольга, был таким же сумасшедшим кулинаром, как и Матильда, и самые важные блюда до сих пор готовил сам. Он и теперь исчез на кухне, внимательно выслушав требования Ольги и сверкнув белозубой улыбкой в сторону Тани. Та даже смутилась:

– Ты что ему про меня сказала? Он смотрел так, будто я какой-то дорогой гость.

– Сказала, что ты русская из России, – пожала плечами Ольга и достала сигареты, с удовольствием оглядывая шумный переполненный зал. – Русских здесь еще любят, мы же свои, православные. Это все остальные от нас уже шарахаются... Он сейчас ради тебя постарается, так что готовься к бою.

– Да я не голодна! Выпили бы по чашке кофе и хватит. – Таня украдкой рассматривала посетителей, сразу отмечая среди них иностранцев. Она выделила группу немцев за двумя сдвинутыми столами, услышала за спиной итальянскую речь, заподозрила в пожилой паре американцев... «Значит, есть все-таки туристы. – Таня взглянула на часы. – Главное, проследить, чтобы Оля не напилась, иначе экскурсия кончится в больнице! Как я не подумала, что по дороге нам будут попадаться кафе?! Сидела бы в Мармари на пляже, грелась на солнышке, нет – потянуло в горы! Да уж, все мы Евины дочки, ищем на свою задницу приключений!»

– Отсюда до Стиры и Драконовых домов езды час, – высчитывала тем временем ее спутница. – Там и нарвем твоих ягодок, а потом, если хочешь, спустимся к морю... День такой жаркий, я бы искупалась!

– Что такое Драконовы дома? – Обреченно поинтересовалась Таня. Она уже поняла, что легким этот день не будет – Ольга настроилась более чем серьезно.

– Увидишь! – пообещала та, радостно оживившись при виде хозяина, подходившего к столику с бутылкой вина. – Это какие-то постройки в горах, очень древние, а к чему они – никто до сих пор не знает... О, это отличное вино, давай выпьем, не дожидаясь обеда! Лично у меня в горле все от пыли пересохло!

– Ты все-таки осторожней, – без особой надежды попросила ее девушка, поднимаясь из-за стола. – Где здесь туалет?

– Во дворе, налево увидишь белый домик. – Ольга, облокотившись на стол, строила глазки хозяину, наливавшему ей вино, и уже не обращала внимания на подругу. Таня вышла, еще раз выругав себя за то, что согласилась на эту поездку.

Несколько минут она простояла во дворе, под деревом, разглядывая пустынную площадь и пытаясь сообразить, что ей следует предпринять. Хуже всего было то, что в незнакомых местах Таня, как правило, терялась и чувствовала себя очень неуверенно. «А что бы сделал Ваня? Ну, он никогда бы не поехал в горы с пьяным водителем. И меня бы не пустил! Так мне что – проститься с Олей и вернуться в Мармари на такси? Интересно, здесь можно взять такси? Деньги у меня есть, по-английски все как-нибудь говорят... Чего я раздумываю? С ней нельзя ехать!» Таня убеждала себя, стараясь быть твердой и решительной, и в то же время понимала, что, когда настанет момент для объяснений, ничего путного она сказать не сможет. «В любом случае надо посмотреть, в каком Оля будет состоянии к концу обеда!» – сказала она себе, стараясь не воображать страшную картину – перевернутый джип под каменистым обрывом, а в нем два безжизненных женских тела. В белом домике, о котором ей говорила Ольга, отворилась дощатая синяя дверь, оттуда вышла полная пожилая гречанка и, что-то бормоча себе под нос, медленно поплелась в кафе. «Что я стою? Олю нельзя оставлять одну, она может нарезаться за пять минут!» И Таня торопливо направилась к туалету. Он оказался по-домашнему уютным –

цветы на маленьком окошке, пестрый лоскутный коврик на плиточном полу, вместо одноразовых бумажных полотенец – полотняное, длинное, наполовину мокрое. Вымыв руки, Таня отыскала на полотенце сухой кусок и, вытирая пальцы, бросила беглый взгляд в зеркало, чтобы удостовериться, не нуждаются ли ее волосы в расческе... И застыла, расширенными глазами уставившись в свое отражение... Но не только в него.

В правом нижнем углу зеркала была надпись – таким манером часто подписывают на память фотографии. Довольно крупные строчки, четко выведенные черным маркером. Надпись была сделана по-русски. Осознав последнее, Таня на миг лишилась чувства реальности и спросила себя – действительно ли в Греции она находится? А если это так, то кто и зачем мог оставить эту надпись, причем, надо сказать, вовсе не похожую на те, что так популярны в общественных туалетах? Тут не было ни ругательств, ни похабщины – скорее, это было краткое предложение, почти приказ. Она перечитала его еще раз, смутно начиная сознавать, что текст обращен не к кому иному, как к ней самой.

«Хочешь что-то узнать о П., езжай сейчас же к Драконовым домам». Слово «сейчас же» было дважды жирно подчеркнуто, а вот подписаться автор послания счел излишним. Таня смотрела на эти слова, предельно ясные и в то же время какие-то нереальные, видела сквозь них собственное испуганное лицо и снова спрашивала себя, не спит ли она наяву?

Но кое-что в надписи возвращало ее в реальность. «Драконовы дома? О них только что говорила Оля. Это где-то рядом, в горах, туда мы и собирались... Нас кто-то подслушал в кафе? Решил подшутить? Но что это за шутки, ведь речь идет о П., значит о Паше! О ком еще я тут могу что-то хотеть знать!»

Опомнившись, Таня рванула на себя дверь туалета и дернула ее еще несколько раз, прежде чем сообразила, что сперва нужно отодвинуть защелку – в таком состоянии были ее взвинченные нервы.

Ольга не напилась, но ее взгляд значительно повеселел и слегка затуманился, а уровень вина в бутылке уменьшился на треть. Она встретила свою подопечную удивленным возгласом:

– Тебе что, плохо? Что ты ела утром? Вся белая... Ты так долго была в туалете?

– Скажи, ты ведь там не была? – вопросом ответила Таня, усаживаясь за стол и оглядываясь по сторонам. «Тут должны быть русские, но я не знаю, на кого думать! Кто мог нас слышать?»

– А в чем дело? – Ольга налила вина в два бокала. – Неужели грязно показалось? Вообще-то тут простенько, но чистенько...

– Чистенько, не спорю, – Таня понизила голос до шепота, и ее собеседница недоуменно нахмурилась. – Там на зеркале надпись по-русски, и, кажется, адресована мне.

– Брось! – после краткой паузы ответила Ольга. – Так прямо и тебе?

– Имелась в виду я и... Паша. Мне предлагают немедленно ехать в эти твои Драконовы дома, если я хочу что-то о нем узнать. Оля, это ведь не ты написала? – с мольбой проговорила Таня, сознавая нелепость своего предположения. Ольга пристально смотрела на нее, все еще сдвинув брови, ее взгляд был совершенно трезв. Наконец она встала:

– В туалете, говоришь? Я взгляну, а ты пока сиди тут, никуда не уходи! Может, к тебе кто-то подойдет, заговорит, тогда скажи, что без меня никуда не поедешь! Мне это не нравится!

«Мне тоже. – Таня проводила ее взглядом до дверей и снова принялась рассматривать посетителей кафе, пытаясь вычислить среди них автора надписи. – Вон тот седой мужчина, которого я приняла за американца? Он тоже на меня посмотрел и сразу отвел глаза. Крашеная рыжая женщина у окна? Кажется, она нас слышала, мы говорили громко. Может, этот парень-официант понимает по-русски? А если сам хозяин? Туристов тут бывает много... Кто может что-то знать о Паше? И почему этого еще не знает полиция?» Несколько минут, которые отсутствовала ее приятельница, показались Тане бесконечными. Никто не подошел к ней, не заговорил, и единственный взгляд, который она на себе поймала, принадлежал хозяину кафе, который на миг высунулся из кухни, явно оценивая, не настал ли момент подавать заказ. Нако-

нец в дверях появилась Ольга, и одновременно с ней к столу направился официант с подносом. Перед Таней возникло несколько тарелок, но от волнения она даже не разглядела, что в них лежит. Ольга хранила загадочное молчание и не нарушала его, пока официант не отошел от стола. Только тогда она подняла на Таню свои прозрачные голубые глаза, в которых читался немой вопрос.

– Ну и как ты думаешь, к кому это обращено? – не выдержала этого странного взгляда девушка. – Почему ты так смотришь? Думаешь, я с ума сошла?! Тогда растолкуй, как это понимать!

– Мне бы кто растолковал, – задумчиво ответила Ольга, не сводя с нее глаз. – Понимаешь, там ничего нет.

– Как? – Таня невольно заговорила громче, и в тот же миг переводчица протянула руку и слегка сжала ей пальцы, словно призывая к осторожности. Она слегка понизила голос, который все равно звенел от волнения: – Ты смотрела на зеркало и не видела надписи?! Две строчки, черным маркером, вот такими буквами...

– Ничего там нет, – пожатие Олиной руки стало сильнее, голос звучал внушительно и твердо. – Надпись или успели смыть, или ее там не было. Не дергайся, я не говорю, что ты сошла с ума. Но ты все время думаешь о своем парне, у тебя в номере в Мармари почему-то оказались ягоды со здешних гор, а я говорила с тобой о Драконовых домах. И не забывай про акклиматизацию! Может, ты ее не чувствуешь, но она

происходит и может давать самые неожиданные эффекты! Мне случалось видеть туристов, которые на первых порах вели себя как обкуренные наркоманы, так на них действовал здешний воздух и солнышко!

– Солнышко тут ни при чем! – прошипела Таня, отбрасывая ее руку. Она чувствовала, как кровь отхлынула от лица и удушливым комком собралась где-то в районе диафрагмы. Ласковая нотация от Оли превысила меру ее терпения. – Ты уже напилась и не туда смотрела! Я видела то, что видела! По-твоему, я сочинила эту надпись?! Или мне здешним воздухом навеяло?!

– Закрыли тему, – с внезапной холодностью заявила ее собеседница. Было ясно, что она обиделась – Ольга подчеркнуто смотрела в сторону и цедила слова с убийственной вежливостью. – Пусть надпись была. Вопрос в том, собираешься ты ехать дальше в горы или нет?

– Не знаю, – слегка остыла Таня. Теперь она жалела, что так набросилась на свою спутницу – в конце концов, та желала ей только добра. – Вроде бы имелся в виду Паша, а может быть, нет... Это вообще могло быть написано давно и не для меня! И мы все равно туда собирались... Не сердись. – Она окончательно остыла и виновато взглянула на Ольгу. – У меня действительно голова кругом, пойми... Наверное, я все неправильно истолковала. Давай съездим туда, раз ты думаешь, что это того стоит!

Ольга сдержанно пожала плечами, отчего дракон, резким

пугающим пятном выделявшийся на ее белой, нетронутой солнцем коже, слегка изогнулся, будто готовясь к прыжку. «До чего ей не идет эта татуировка! – снова подумала Таня, стараясь поймать взгляд своей спутницы. Та отводила глаза, по всей вероятности, обидевшись всерьез. – Да и все в ней как-то некстати, одно с другим не сочетается. Замужняя женщина, мать, дочке четыре года – а ведет себя как подросток-переросток! Не нагулялась, что ли? Или по своему татуированному другу скучает?»

К столику подошел хозяин, заговорил по-гречески с Ольгой, то и дело поглядывая на Таню, опустившую глаза в тарелку. Он явно был обеспокоен видом своих гостей и желал знать, не кухня ли тому виной? Так и оказалось – когда эффектный трактирщик отошел, Ольга неохотно, почти сквозь зубы бросила:

– Когда будем уходить, скажи ему, что было очень вкусно, идет? Неохота его обижать, отличный мужик! Он, оказывается, наблюдает за тобой и видит, с каким кислым лицом ты сидишь.

– А ты, можно подумать, сидишь с другим! – парировала Таня, чем вызвала слабую улыбку на губах своей спутницы. – Ну, давай мириться, я беру свои слова назад! Просто я зануда, сама почти не пью и очень боюсь, что мы перевернемся где-нибудь в горах! Но больше на эту тему ни слова!

Ольга улыбнулась шире и собиралась что-то ответить, как вдруг насторожилась и замолчала. Таня обернулась и

увидела за своей спиной рыжеволосую женщину, которая прежде сидела у окна, ту самую, которую она включила в список подозреваемых, когда рассматривала посетителей кафе. Женщина неуверенно улыбнулась, встретив ее недоуменный взгляд, а когда поздоровалась, Таня поняла, что была права. Девушка слышала русскую речь, слегка корявую и неуверенную, словно она давно не была в употреблении.

– Извините, что я так вмешалась, но я не могла не подойти! Вы говорили по-русски!

Женщина смущалась и явно нервничала, и ее неуверенность еще больше подчеркивала неискренняя широкая улыбка. Таня заметила, что ее крупные передние зубы, желтоватые от курения, испачканы ярко-розовой помадой, да и вообще на лице этой дамы лет пятидесяти было слишком много косметики. Под густым слоем тонального крема угадывалась дряблая кожа, тщательно взбитые надо лбом рыжие крашенные волосы напоминали парик, а морщинистые загорелые руки с ярким маникюром украшали многочисленные кольца и браслеты. Таня, забыв о приличиях, широко распахнула глаза, разглядывая эту колоритную даму, на Ольгу же она не произвела никакого впечатления. Не слишком дружелюбно, но все же вежливо переводчица поинтересовалась, чем они могут быть полезны?

– Вы из Москвы? – с надеждой спросила та.

– Я из Москвы, – опомнилась наконец Таня. – Извините, я вам задам один вопрос, только не удивляйтесь! Это не вы

сделали надпись на зеркале в здешнем туалете?

Дама изумленно уставилась на нее, а потом ее лицо, наминавшее тщательно раскрашенную маску, задрожало от еле сдерживаемого смеха. Таня поняла, каков будет ответ прежде, чем услышала его.

– В туалете? Нет, что вы, не я! – Дама окончательно развеселилась и, перестав смущаться, положила руку на спинку третьего стула, придвинутого к столику: – Вы разрешите присесть? У меня к вам огромная просьба, надеюсь, вы не откажете... Это просто воля providения, что я сегодня сюда заехала и встретила вас! Ведь уже не сезон, да и в сезон на Эвии русских туристов почти не бывает... Этого места в России не знают. Вы ведь туристы?

– Нет, – отрезала Ольга, которой это новое знакомство было, по всей видимости, не по душе. – Мы здесь по делу и сейчас уезжаем.

– Я вас не задержу. – Дама чутко уловила неприязненную интонацию и вновь засуетилась. Когда она открывала сумочку, висевшую на плече, ее унизанные массивными кольцами пальцы заметно дрожали. – Где же это... Неужели оставила дома? Ах, Господи... Да вот, нашла!

Она с победным видом извлекла из бокового кармана сумки визитную карточку и, торопливо написав что-то на обороте, протянула ее Тане:

– Не откажите, будьте так любезны! На карточке – адрес фирмы и рабочие телефоны моего сына... Вот тут все его

данные, – перегнувшись через стол, она чертила по карточке кончиком накладного розового ногтя. – Я не могу ему позволить уже больше полугода, все телефоны молчат, письма писала, но ответа нет. Мобильный телефон не отвечает, со съемной квартиры он съехал, а свою сам сдает, но жильцы уплатили за год вперед и давно его не видели... Я его просто потеряла, понимаете? – тараторила женщина, и в ее торопливой речи ясно слышалось отчаяние человека, которого редко соглашаются выслушать. – Прошу вас, позвоните по этим телефонам, вдруг у вас получится? Если кто-то ответит, попросите с ним связать и дайте мои координаты! Вот, я написала на обратной стороне. Может быть, он их потерял... Я живу тут уже восемь лет, он ни разу ко мне не приезжал, но это понятно, у него же работа, однако мы всегда созванивались, и вот...

Дама говорила таким умоляющим тоном, что у Тани не хватило духу ответить ей «нет», как она собиралась вначале. Девушка взяла визитку, стараясь избегать неодобрительного взгляда Ольги. Рыжеволосой женщине тоже было неловко. Она торопливо встала и попрощалась, не переставая осыпать Таню благодарностями. Подойдя к своему столику, она расплатилась по счету, в дверях еще раз обернулась, послав Тане выразительный умоляющий взгляд, и исчезла.

– Ну и зачем ты ее обнадежила? – спросила Ольга, закури-вая и отодвигая от себя опустевшую тарелку. Она уже успела отдать должное местной кухне. – Неужели будешь звонить

этому парню?

– А почему нет? – Таня спрятала визитку во внутренний карман куртки и застегнула «молнию». – Или ты думаешь, она ненормальная и никакого сына в Москве у нее нет?

– Думаю, есть, но он или не хочет общаться с мамашей, или с ним что-то случилось. В любом случае тебе какое дело? А если свяжешься с такой вот дамочкой и сама перезвонишь ей в Грецию, она с тебя не слезет, начнет доставать и висеть на телефоне. Это живой труп, таких тут не один десяток! Я сразу поняла, когда она подошла!

– Живой труп? – с опаской переспросила Таня, бросая взгляд в сторону двери, за которой скрылась рыжая дама.

Ольга рассмеялась, поняв ее недоумение:

– Прости, не хотела тебя пугать, но мы это просто так называем! Мы, в смысле местные, а я себя тоже к ним причисляю. Мы так говорим о тех, кто уже несколько лет живет в Греции, связи с родиной потерял, а новых здесь не завел. Из России много приезжали в начале девяностых, покупали тут виллы, целые острова, вкладывали свои бешеные деньги, а потом и сами тут поселились, некоторые целыми семьями. Правда, это уже редкость, молодежи здесь делать нечего, а вот даме такого возраста самое место! Она здесь доживает свой век и подышает со скуки! Греческий толком не выучила, знакомых не завела, на родине все ее уже забыли... Она не то что я, я-то влилась в местную среду, язык знаю в совершенстве, родила ребенка от грека, дочка вообще по-русски

не говорит... Значит, я и сама уже почти гречанка. А эта... Живой труп, а ты бы как это назвала?

– Мне ее жаль. – Таня тоже справилась наконец со своим жарким, не желая обижать хозяина кафе. Аппетита у нее не было совершенно, и она могла только сокрушаться о том, что попала в это заведение в неподходящий момент. – Почему она не вернется домой?

– Наверное, ей некуда возвращаться, – равнодушно бросила Ольга, оглядывая свое лицо в зеркальце пудреницы. – А вообще, выбрось из головы! Тебе ее жаль? Если бы она действительно хотела найти своего сына, давно бы съездила в Москву и навела справки! Нет, ей легче прицепиться в кафе к незнакомому человеку и попросить об одолжении... Паразитка!

Она жестом подозвала официанта, что-то сказала ему, и тот с улыбкой исчез. Через минуту из кухни появился хозяин, но вместо счета Таня увидела у него в руках сверток размером со стандартную книгу. Он галантно вручил его Тане и произнес по-английски пламенную речь, из которой следовало, что «У мурии» всегда рады видеть новых друзей из России и как будет замечательно, если Таня приедет сюда еще раз и останется подольше. Та растерянно благодарила, не зная, чем заслужила такой прием, искала взглядом помощи у Ольги, но та лишь довольно усмехалась, пока наконец не спасла ее, услав на улицу:

– Подожди меня у машины и, ради Бога, ни с кем больше

не общайся! Надеюсь, та рыжая уже уехала! Я через минуту!

Таня с облегчением вышла на воздух и остановилась в тени мурии, рассматривая сверток, который все еще держала в руках. Надорвав край оберточной бумаги, она разглядела, а скорее, разнюхала в коробке печенье, судя по всему, только что изготовленное на кухне гостеприимного трактирщика, похожего скорее на мифологического героя-любownika. «Как мило! Сказала я ему, что было очень вкусно, или удра-ла без слов, будто людей никогда не видела? Он меня смутил своим гостеприимством, можно подумать, что я невеста какой дорогой гость! Интересно, это греки такие импульсивные или мы, русские, такие зажатые?»

За этими размышлениями ее и застала приятельница, выпорхнувшая из кафе. Ольга, не останавливаясь, поманила ее за собой и, уже отпирая машину, бросила через плечо:

– Надпись на зеркале была, я говорила с хозяином, и тот позвал уборщицу. Она ее смыла, наверное, сразу после того, как ты оттуда вышла. Надпись черным маркером, иностранная, женщина ее не поняла.

– Теперь ты мне веришь? – Таня уселась в машину и зябко повела плечами – ее вдруг зазнобило, хотя салон и нагрелся на солнце. – Может, нам, наоборот, не ездить в эти Драконовы дома?

Ольга промолчала, словно не слышала вопроса, и машина тронулась с места. Глядя в окно, Таня прощалась взглядом с площадью маленького сонного городка, окончательно по-

грузившегося в сиесту, с огромным старым деревом у распахнутых дверей кафе, когда вдруг услышала решительное:

– Как раз сейчас мне и захотелось туда по-настоящему!

Возражать она не стала.

Через полчаса они миновали Стиру – сонный кукольный городок, расположенный в зеленых предгорьях большого хребта. Джип медленно проехал по круглой мощеной площади, и Таня успела рассмотреть стройный белый собор с витражными окнами, крохотные, на два столика, кафе, керамические горшки с цветами, стоявшие прямо на камнях мостовой вдоль стен домов, сытых сонных котов, развалившихся на солнцепеке у закрытого на время сиесты магазина... Город показался ей совершенно безлюдным, она не заметила ни одного человека, пока они проезжали по его узким улицам, заметно поднимающимся в гору. Сиеста была в разгаре. Выхав из города, Ольга вскоре свернула с главного шоссе, и джип, едущий на приличной скорости, начало весьма ощутимо потряхивать – качество асфальта заметно ухудшилось.

– Потом вообще пойдет проселок, а уж выше – пастушья тропа! – сообщила Ольга, лихо управляясь с рулем одной рукой. Вторую она высунула в открытое окно и на ходу сорвала что-то с куста, росшего на обочине. – Гляди! Вот и кумари!

В самом деле, дорога была тесно обсажена пышными кустами со знакомыми алыми ягодами. Такие же кусты виднелись и на крутом зеленом склоне холма, вверх по которому взбиралась дорога. Таня взглянула вперед и увидела го-

ры – рыжие, обрывистые, не очень высокие. Внезапно машину затрясло всерьез, и девушка схватилась за ручку двери. Асфальт кончился, теперь под колесами джипа была лишь серая глина и мелкие камни. Машина подпрыгивала на кочках, проваливалась в выбоины, и Таня уже с трудом могла оценить красоты горного пейзажа, тем более что дорога виляла по самому краю довольно крутого обрыва. «Все как я боялась! Правда, Оля более-менее протрезвела!» А та, дымя сигаретой, невозмутимо рулила и утешала свою испуганную пассажирку:

– Не переживай, на самом деле свалиться отсюда куда труднее, чем кажется! Но тут правда бывают несчастные случаи. Я лично знала двух парней из Мармари, которые выпили и решили показать итальянским девчонкам местные достопримечательности.

И после краткой паузы добавила:

– Все погибли. Немного дальше есть памятная часовенка по этому поводу, выстроили их родственники, здесь так принято. Там и оставим машину. Дальше двинем пешком, моя колымага через тамошние ямы не пройдет, да и ничья не пройдет. Там двум людям не разойтись!

– Оль, мне страшно, – решила наконец на откровенность Таня. Сдерживаться дальше она была не в состоянии. – Давай развернемся и уедем?

– Ты же говорила, что хочешь в горы! – удивилась та. – На тебя не угодишь! Не волнуйся, там альпинистского снаряже-

ния не требуется! Просто крутая тропка, ты ее пройдешь с закрытыми глазами!

– Я не боюсь никакой тропки, мне страшно из-за надписи на зеркале! – Таня напряженно озиралась по сторонам, пытаясь заметить какое-нибудь движение на склонах обступивших дорогу холмов. – Здесь так тихо, и, если что случится, нам никто не поможет!

– Знаешь, дорогая, – грубовато-фамильярно заметила Ольга и покровительственно улыбнулась, – если бы тебя кто-то хотел банально убить, ты бы уже была мертва, и незачем для этого дела устраивать свидание у Драконовых домов! Пристрелить можно где угодно, а тебя деликатно отозвали в сторонку от лишних глаз и ушей. Ягодки в номере – это в надежде, что тебе объяснят, где они растут, и вывезут в горы! Надпись на зеркале – тоже можно бы выразаться по-конкретней, а тут так расплывчато – вроде бы тебе адресовано, а вроде бы нет! Разве так готовят убийство?! Это кто-то хочет поговорить с тобой о твоём парне, но боится засвечиваться, вынужден обходиться намеками! – заключила она с убежденностью.

– И для разговора обязательно надо ехать в такую глушь? – недоверчиво заметила девушка. – Он мог бы сделать это и в Мармари, в моем номере, раз уж украл ключ у Матильды и забрался туда! Отель был пустой, какие там лишние глаза и уши!

– У меня такое впечатление, что ты просто ничего не хо-

чешь знать о том, как умер твой парень! – В голосе Ольги зазвучали сердитые нотки. Она резко крутанула руль, машина подпрыгнула так высоко, что у Тани громко клацнули зубы. Она испугалась, что прокусит язык, и разом замолчала. Еще несколько рывков и бешеных скачков – то, что было теперь под колесами, уже нельзя было назвать дорогой, – и джип остановился. Ольга распахнула дверцу и первой выпрыгнула на пыльную дорогу:

– Вот и часовенка! Гляди-ка, и лампадка горит! Значит, кто-то с утра здесь побывал... Ах, ну да, ведь сегодня воскресенье! Наверное, родственники тех парней заехали сюда после церкви... – Она набожно перекрестилась и обернулась к Тане, застывшей в машине: – Выйдешь или будешь ждать меня здесь? Лично я поднимусь в Драконов дом!

Таня мгновенно прикинула, каково будет остаться здесь, на пустынной дороге, в одиночестве, и быстро покинула свое убежище. Ей вовсе не улыбалось дожидаться Ольгу на обочине, рядом с этой крошечной белой часовенкой, в глубокой нише которой горела голубая лампадка и виднелись заботливо расставленные в вазочках искусственные цветы. «А если души тех парней из Мармари и итальянских девчонок все еще где-то здесь? – Она поежилась, глядя на огонек лампадки. Странно было видеть его в такой глуши, где, казалось, давным-давно не было и следа человека. – А если тот, кто писал записку на зеркале, сейчас прячется где-то рядом и только ждет, когда я останусь одна, чтобы... Чтобы что? Гос-

поди, зачем я поехала! А эта рвется в бой! Мне, наверное, тоже надо было выпить для храбрости, а то колени подкашиваются...» В горах было очень тихо, слишком тихо для Тани, горожанки до мозга костей. Это была не та милая, обитаемая тишина Мармари, в которой ухо все же могло различить какие-то звуки цивилизации – далекий шум проезжающей машины, хлопанье тента уличного кафе на резком морском ветру, пение петухов в окрестных селах... Здесь же не было ничего, кроме глубокого молчания обступивших дорогу гор. Даже ветра не было слышно, и шум камешка, покотившегося с обочины дороги вниз по склону, казался пугающе громким и заставлял вздрагивать.

– Ну, идем, – торопила ее Ольга. Она уже успела отойти от машины и указывала на крутую тропинку, цепляющуюся за поросший кустарниками скалистый склон горы. – Минут пятнадцать быстрым шагом, и я покажу тебе дом пещерного человека, или древнее святилище, или фиг знает, что еще такое, ученые не пришли к единому мнению! Точно одно – построено оно древним человеком и в таком месте, где ему пришлось для этого изрядно поломать горб!

– Только говори тише, – пугливо попросила Таня, следуя за ней. – Мне все время кажется, будто нас кто-то слушает!

– Вот еще, чего бояться! – сварливо возразила Ольга. – Я же с тобой!

– Можно подумать, ты меня защитишь, если он достанет пистолет. – Девушка принялась карабкаться в гору, не пере-

ставая озиаться по сторонам. Ее не оставляло ощущение, что за ней пристально наблюдают, и она чувствовала себя мишенью. – Мы отличная цель на этой тропинке! Нас отовсюду видно, а мы должны смотреть под ноги и не увидим никого! Меня могут пристрелить, а я даже не успею понять, что случилось! Ты права, пристрелить меня могли бы где угодно... Но здесь – лучшее место!

Однако Ольга не разделила ее тревоги и невозмутимо продолжала подниматься по узкой крутой тропе, беспечно отбрасывая в сторону попадавшие под ноги камушки и мурлыча под нос какую-то популярную мелодию, странно звучащую в торжественной горной тишине. Таня, смирившись, молча следовала за ней, и вскоре они достигли цели, остановившись на узкой площадке, нависшей над обрывом.

– Это и есть Драконов дом? – Таня настороженно разглядывала сооружение из дикого камня, обтесанного в виде плиток, с круглым входом, без признаков окон и печной трубы, вообще без привычных признаков человеческого жилья. Больше всего это смахивало на эскимосскую иглу или юрту степного кочевника. Сооружение выглядело очень древним, очень неудобным и очень неинтересным.

– Ты что, разочарована? – Ольга перевела дух и достала сигареты. – Звучит круче, чем выглядит, верно? Выше есть еще, но там то же самое! Что ж, полезай!

– Как, туда?! – Таня отпрянула, словно ее собирались толкнуть в Драконов дом силой.

– А куда тебя пригласили? – Ольга картинно выпустила струйку дыма и взглянула на часы. – Ну давай же, тебя ждут! Написали же, чтобы мы ехали немедленно!

И поскольку девушка медлила, Ольга воскликнула в сердцах:

– Стоило сюда лезть, чтобы в последнюю минуту спастись?! Ну хочешь, я с тобой? Я вообще уверена, что там никого уже нет, мы слишком долго копались, да еще та рыжая нас задержала... На зеркале ведь было сказано – ехать немедленно!

Таня приложила палец к губам, делая знак замолчать, и ее спутница недоуменно притихла. С минуту девушка прислушивалась, а затем, тряхнув волосами, упавшими ей на глаза, решительно сказала:

– Ладно, я пойду.

Ей придала смелость не эмоциональная речь Ольги, а мирная тишина, окружавшая их в этих горах. Теперь Таня и в ней начинала различать кое-какие звуки, самые простые и безобидные. То было щебетанье серой птички, скачущей по ветвям кустарника кумари, и шелест высохшей за лето травы, которой касался едва ощутимый ветер, и где-то далеко в низине – блеянье овечьего стада и звяканье колокольчиков... Среди этих звуков не было только звуков чужого человеческого присутствия, и она ничуть не удивилась, когда забралась в Драконов дом и, осмотрев его, выглянула наружу:

– Ты права, здесь никого нет. Да и не было с конца лета,

кажется.

– Посмотри получше! – Ольга присоединилась к ней, и вдвоем они тщательно обшарили рукотворную пещеру, заглядывая во все углы и рассматривая своды. Результатов не было никаких – несколько окурков и пустых пивных банок, оставленных туристами, никак не могли сойти за какое-нибудь послание. Таня выбралась из пещеры и отряхнула штаны от пыли и приставших колючек. Настроение у нее, как ни странно, внезапно поднялось. «Можно подумать, я в самом деле ничего не хочу знать о Паше! А может, надпись на зеркале относилась не ко мне и красовалась там еще до нашего приезда? Мало ли, для кого она была сделана, ведь там, оказывается, живут русские!»

Ольга была подавлена неудачей куда больше и за все время, пока они спускались к джипу, не проронила ни слова, что-то напряженно обдумывая. Наконец, поравнявшись с часовенкой, она изрекла свой вердикт:

– Знаешь, ты что-то не так поняла. Если бы я сама видела ту надпись... Мы могли просто поехать не туда!

– Я еще не разучилась читать по-русски, – обиделась Таня. – А может, нам надо было подняться выше, к другим Драконовым домам? Ты говорила, есть еще?

– Туда можно забраться только с альпинистским снаряжением, а раз мы не подготовились и он это видел, какой смысл нас туда посылать? Ладно, едем домой, – с досадой проговорила она, взглянув на часы. – Лучше бы ты послушала ме-

ня и согласилась на острова! Теперь-то ехать поздно, дело к вечеру, на море будет свежо... Давай быстренько нарвем ку-мари и... Кстати, у тебя есть какой-нибудь пакет под ягоды? Таня? Тань?

Ты слышала ее вопрос, слышала и оклики, но не отвечала – губы у нее внезапно лишились всякой чувствительности, словно их обкололи местной анестезией. Таня не смогла бы вымолвить ни слова, такими чужими и непослушными они вдруг стали. Она не сводила глаз с маленькой белой часо-венки на обочине, с голубой лампадки, по-прежнему крот-ко мерцавшей в глубине ниши, и с крохотного блестящего предмета, слегка покачивающегося рядом с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.